

▣ О. А. Габриелян

В пути

▣ ▣

Перед читателем сборник моих размышлений, которые представлены в самых различных формах – в стихах, статьях, рецензиях, коротких эссе. Имея привычку, время от времени, наводить порядок в накопившихся работах, подобрал повод и сделал себе необычный подарок – нашел логику в библиотеке различных размышлений и собрал их в книгу.

Название всплыло как-то само собой. Тема дороги, пути, наверное, главная тема моей жизни, так как внутренняя неуспокоенность толкает меня в новые дали. И это не обязательно должно быть некое перемещение в пространстве, хотя мне несколько раз в жизни приходилось покидать насиженные места и уезжать в неопределенность. Куда важнее становилось искать новые горизонты, ставить неожиданные и большие цели и стремиться достичь их. Результат приносил удовлетворение, но и неприкаянность, необходимость снова собираться в путь к новой цели.

Но каждый раз начинался травелог – попытка описать происходящее, поразмышлять над событиями, встречами с людьми, вызовами судьбы. Так рождались написанные строчки. Их можно рассматривать как дневниковые отметины, хотя меньше всего они похожи на записи в дневнике.

В заключение этих объяснений хотел бы разъяснить смысл медальона, помещенного на обложке. Он встречается и в предыдущем моем сборнике стихов. Много лет назад, вернувшись из долгой командировки в США, где я находился по программе Фулбрайта, задумался о необходимости оставить своим сыновьям памятную для них вещь, которую они могли бы передавать своим детям, а те своим потомкам. Для меня было важно, чтобы у семьи возникла своя легенда, своя память.

К тому времени я был несколько лет знаком с талантливым и выдающимся Художником — Александром Михальянцем. Здесь я не случайно написал слово «художник» с большой буквы. Талант этого человека не укладывается в рамки одного жанра искусства. Он и живописец, и скульптор, и график, и фотохудожник, и ювелир, и многое другое в чем проявляет себя талант творческого человека. Я пришел к нему с совершенно неопределенным предложением — создай что-то такое памятное, чтобы каждый из сыновей забрал себе часть и хранил у себя. Причем, когда части складывались возникала некая памятная целостность. В то же время части могли бы быть самостоятельны. Даже сейчас, спустя много лет, когда я пишу эти строчки, такое задание выглядит сумбурным, крайне неопределенным. Но надо обладать особым талантом, чтобы выраженное пожелание

воплотить в художественное произведение со значительным смыслом. В результате был создан трехгранный серебряный медальон, в вершинах которого располагались начальные буквы имен моих сыновей. Сам медальон был выполнен в армянских орнаментах, а армянские буквы имен были выполнены в золоте. Здесь же в центре располагался черный камень обсидиан — *vitro volcanicum*, застывший кусочек магматической горной породы. Это даже не полудрагоценный камень, но он имел свой символический смысл. Александр Михальянц привез его с горы Арарат, из одной из своих экспедиций. На обратной стороне медальона по кругу была выполнена надпись — имя рода и в центре мои инициалы. Особенность медальона заключалась в том, что он разбирался на три части. Каждый из сыновей при создании семьи забирал часть его со своей буквой и с кусочком Арарата. Мог носить его как маленький медальон-оберег. Но только тогда, когда они соединяли свои медальоны вместе на оборотной стороне большого медальона, читалось имя рода.

Сыновьям, да и всему моему большому семейству медальон понравился. А подтолкнул меня к самой идее памятного знака — отец. После его смерти мне от него остались только деревянные четки, которые он любил перебирать. Только позже я понял насколько важно сохранять память.

Я очень благодарен судьбе, что она не обделила меня встречами и дружбой с замечательными людьми. Безусловно, я с благодарностью буду помнить золотые руки Мастера. Таких людей крайне мало, единицы, поэтому необходимо еще при жизни успеть сказать им добрые слова и оценить их труд. Для меня Александр Михальянц — человек эпохи Возрождения, случайно оказавшийся в нашем времени. Мы замечаем его сложный характер, так как видим его в повседневности в обычных заботах и хлопотах. А вы посмотрите на него в атмосфере его мастерской, в этой машине времени, и вы поймете, что рядом с вами великий человек! Я уверен, что его книга судьбы будет написана и ждет своего часа.

А рассказал я эту историю потому, что хотел объяснить изображения медальона на обложке, как и фотографий в сборнике, все того же мастера. Наши пути по жизни сходились и расходились, начиная с того времени, когда он по моей просьбе взялся за иллюстрирование журнала «Сурб Хач». Только сейчас я понял, что мы искали с ним разные средства выражения того, что у нас копилось внутри — у него, как у художника, у меня, как у человека, склонного к размышлениям, которым иногда не хватало слов.

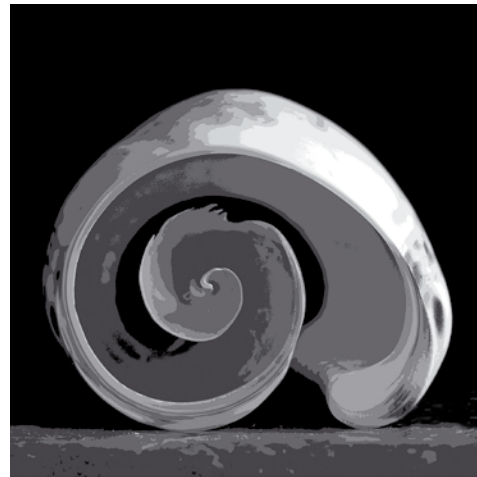
Однако, возвращаясь к самому сборнику, хотелось бы объяснить еще одну его особенность. Само многообразие литературных жанров собранных произведений свидетельствует, что мне сложно находиться в одной реальности академической, общинной, публичной. Я сразу в них во всех. Это те главные измерения, которые только вместе и могут собрать меня, так, чтобы читатель почувствовал и понял меня как личность. Только переключая регистры этих измерений, я ощущаю полноту жизни. Именно поэтому мне не хочется отделять в своих произведениях частное от публично важного. Иначе пропадет доверительность общения и доказательность рассуждений, подтвержденная опытом жизни.

■ *Олег Габриелян* ■

■

Стихи по случаю ■

Подари себя! Подари.
 Оживи, приласкай, полюби.
 Слово доброе мне скажи.
 Взглядом нежным меня одари.
 Я устал. Один на ветру.
 На себя принимаю грозу.
 Подойди ко мне, обними.
 И засни у меня на груди.
 А я буду тихо дышать.
 Сон твой чуткий собой охранять.
 Стану зодчим, чтоб строить дворцы,
 И творить из них твои сны.
 Живописцем – писать тебя всю
 Очень близкую, рядом, свою.
 Мне б тебя как душе талисман,
 Исцеленье от боли и ран.
 Оберег в моем долгом пути.
 Позабудь меня и прости!

Гладиатор-2

Ты памяти моей – храм.
Свет добрый – моей свечи.
Не предам тебя, не отдам.
Скрестились в бою мечи.

Не падает тяжесть с плеч.
Грязью и кровью залит.
Иступлен в сражении меч.
Трещит изрубленный щит.

Ревет вокруг Колизей.
Ждет смерти моей на миру.
А я становлюсь злей –
В этом чужом пиру.

Но мне уже все равно.
Пусть будет врагов – тьма.
Мне сила – имя твое.
Протянутая мне – рука.

Не понимает враг –
Где силы беру вновь.
Это всеильный маг –
Наша с тобой любовь.

Неправильный мир

В правильном мире по правилам ходят люди.
 В нем все разложено, точно и очень прилично.
 В нем на газонах запрещающие таблички.
 Продумано все в нем и все симметрично.
 Там синее море, над ним голубое небо.
 Белые облака и яркое солнце вверху справа.
 Папа и мама держат друг друга за руки
 И ты в красном платье в короне из банта.
 То место рай — страна твоего детства.
 В нем золотом вышито твое счастье.
 В нем чистая радость и сыплется смеха дукаты.
 Ты даже не знаешь слова такого — «ненастье».

...

Смотрю на тебя — из глаз твоих мне не выплыть.
 Щепотку соли в пресную жизнь добавляю.
 Губами на вкус пробую твое имя.
 Густо и сладко — свежей водой разбавляю.
 Как же мне быть с твоей чуть скошенной вбок улыбкой,
 Вразброс по цвету раскрашенными ногтями,
 Приподнятой талией, серыми глазами
 Полными страха?
 Мир чувств — это Страна Неправильная.
 В ней живут без гражданства, контрабандно и даже преступно.
 В ней каждый — гениальный художник своего Счастья!
 Пусть даже на миг или даже на мига долю.
 Понятно, что настанет день и ты будешь оттуда изгнан.
 В правильный мир, с предписанным поведением.
 И все восстановишь — будешь ходить по тротуарам,
 Но в снах своих будешь летать в неправильном мире.
 Воспоминания эти и будут Гохраном твоей жизни.
 А что еще ты сможешь вспомнить на Закате — покраснеть и улыбнуться?

В каждом слове твоём — свет.
В каждом вздохе твоём — «Да».
У любви нашей прав нет,
Но она все равно права.

Как права по весне Весна.
Как день перед ночью прав.
Как Книга судеб права —
Тайной скрытой от нас глав.

На двоих — испить до дна —
Нам с тобою — один бокал,
В нём любви живая вода.
Я тебе никогда не лгал.

От любви будет боль и смех.
От неё туманит глаза.
От неё полет и успех —
По щеке — счастья слеза.

Потому она есть высь,
Что внизу — высоты пасть.
Потому она есть жизнь,
Что она твоя власть.

Нам самим себя решать
Не лицо нужно нам — Лик.
И готовы опять страдать,
Чтоб вновь испытать миг —

Где ты выше всех на земле.
Это дар, что нам дал Бог —
В повседневности — свет во мгле.
Это Счастье — наш Рок.

18–19.03.2011

Научи меня просто жить —
По земле этой доброй ходить,
Полной грудью взахлеб дышать,
Губы нежные целовать.

Научи не мстить, а прощать,
Не брать научи — отдавать.
Подари золотое руно,
Чтобы зло превращало в добро.

Каждый день научи ценить,
Шутку выдумать, воду пить.
Отступлюсь, научи вставать —
Через силу — вновь и опять.

Научи как счастливым быть.
Белым парусом в море плыть.
Научи беду побеждать,
Верным быть — не предавать.

Научи немудреным вещам.
Блеск верни — потухшим глазам.
Чтобы жизнь не иссякла в крови.
Ты любви меня научи.

Нет ручья от тоски как от жажды,
 Ветра нет — меня остудить.
 Тот, кто видел горы однажды —
 Тот не сможет их позабыть.
 Первый луч на заснеженном склоне,
 Мятный воздух альпийских ковров,
 Земляника, как счастье в ладони —
 Многоцветие райских садов.
 И мазками яростно-ярко,
 Не робея буйства цветов.
 Не хочу я иного подарка
 У всеильных и строгих богов.
 Кроме этой силы стихии.
 Горных граней кровавая синь.
 Не устану писать я стихи им,
 Беспокойным сердцем своим.
 Я пройду по немислимым кручам,
 Чтобы воду и воздух испить.
 Пробудиться к жизни, влюбиться...
 И ромашку тебе подарить.

26.07.2011

О счастье

Я искал его долго-долго,
Колесил по земному шару.
Мне в ладони плескалась Волга,
И Сибирь поддавала жару.
Я Европу объездил всяко.
Нагляделся я тех Америк.
Если жизнь что большая драка —
Обойдешься ли без истерик.
И Кавказ был подо мною.
Он вошел в мою суть, в мои гены.
Не петитом и не канвою,
Кровью красной втекал в мои вены.
Разбивал свою душу на части
Собирал мучительно больно.
Я по горло насытился властью,
Не дано ей самой жить вольно.
Я ведь думал, что ты где-то —
Далеко за семью морями.
Там, на краешке всего света,
За ночами, как смоль, и днями.
Но мудреть, что ли, стал с годами
И спокоен, даже в ненастье.
Прозреваю что ты не где-то,
А во мне — мое трудное счастье.

30 октября 2011

Неаполитанская

Я небу придам особую синь,
«Санта Лючия» постараюсь спеть.
Привезу в Италию крымских вин,
Чтобы с тобой в Неаполе их пить.

А потом ловить живую волну.
По колено мне будет море то.
Целовать буду девушку там одну,
И хмельной обещать буду ей все.

А наутро, пряча свои глаза –
Улетучусь как сон твой дурной.
Пусть останется мечтою мечта
И я для тебя немного другой.

20.10.11

Я попрошу – ты меня оставь.
 Любить меня – больно и не надо.
 Я пропишу дурманящих трав,
 Чтоб навсегда была мне не рада.
 Чтобы меня раздавил твой гнев
 Испепелило твое презренье,
 Чтоб тетивой натянутый нерв –
 Разорвало прикосновение.
 Чтобы боль, что тебе причинил –
 Слезы тоски и горькую горечь –
 Мне даже ангел мой не простил,
 Меня хранящий, стоящий поруч.
 Я пред тобой кругом виноват –
 Сердце зажег своим ярким словом.
 Как тот, презренный, ползучий гад,
 Лишивший людей, – рая земного.
 Мне не хватит, – всех созданных слов,
 Чтобы вымолить себе прощенье.
 Все потому, что твоя Любовь –
 Выше в сто крат моего откровенья.

11.11.2011

Киевской Руси

Мы пройдем по полям и просторам,
На ладьях проплывем по Днепру.
И под добрым княжеским взором –
Дом построим Христу как Отцу.

И молясь и в доме, и в Лавре.
Будем есть нелегкий свой хлеб.
Нам в веках в исторической лаве
Вместе плыть дорогами рек.

Где резцом пройдемся по камню,
Где выделывать будем сафьян.
В вышиванке нитью по ткани –
С вашим племенем древних славян.

И с Владимира верной супругой,
Херсонес осеняя крестом,
Караваном растянутым, цугом,
В Золотые Ворота войдем.

Где купцами, врачами, волхвами,
Приносящими добрую весть,
Мы опишем своими словами
По делам нашим данную честь.

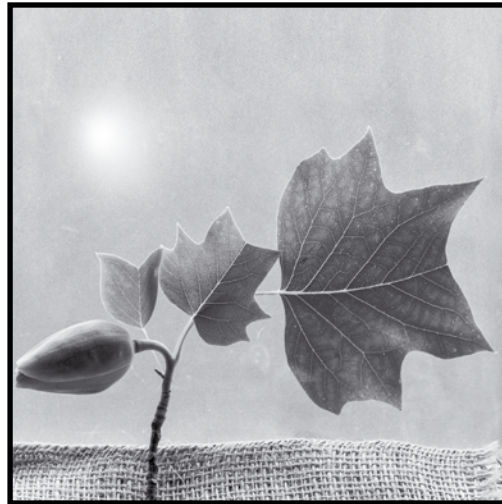
Эту землю, политую потом,
Где родные и Керчь нам, и Львов,
Мы вросли веками, не годом,
Отдавали ей силы и кровь.

По земле твоей наши погосты,
Значит, здесь нам с тобою и жить.
Здесь дышать нам вольно и просто,
Разве можно тебя не любить?

Сыну

А.
 Мне сердечной тоски не унять,
 Нет аршина её мне измерить,
 Чтобы снова тебя понимать,
 Чтобы снова в тебя мне поверить.
 Где, скажи, тот рубеж, та межа,
 За которой мы стали другими?
 То не слезы туманят глаза,
 А обида, что стали чужими.
 Неужели мой дом на песке,
 И не выстоит он в непогоду?
 Разоренье во мне от тоски,
 Что труды мои – брошены в воду?
 Вы, три сына, опора моя,
 И когда мои силы иссякнут,
 Неужели не будет тебя,
 И тебя мне уже не окликнуть?
 Я прошу тебя, не предавай,
 Что отец мне оставил в наследство.
 Рядом встань и защищай.
 Все мы родом из нашего детства.
 В жизни есть не только права,
 И не только желание счастья.
 Но растущих долгов недолга,
 И дожди, и метель, и ненастье.
 Ну а что будет после, потом,
 Если ты без корней и опоры?
 С кем построишь свой собственный дом?
 Сорняки вырастают из ссоры.
 Вот протянута мною рука –
 Не рука даже, а десница.
 Сила в ней всех кто был до меня.
 Править ей судьбы колесницей.
 На скаку, на ходу, на бегу
 Ты запрыгни, руку хватая,
 И тогда любую беду
 Одолеешь, всех побеждая!

Киев, 14.03.2013

Случайная встреча

Мне не понять того мгновенья,
 Когда упавшая звезда
 Рождает каплю вдохновенья,
 И раскрываются глаза.
 Сначала робко и украдкой –
 Страшишься получить ожог,
 Потом же дерзко, безоглядно,
 Как-будто одолел порог.
 Глядишь, и в память отпечаток –
 На чистый лист, в свободный файл
 Открыто, явно и без прятков,
 Я образ ваш с собой забрал.
 Мы разлетимся, как кометы.
 Орбитам больше не сойтись,
 Но черт особые приметы
 С моей судьбой переплелись.
 Когда-нибудь в иных скитаньях,
 Всмотрюсь в прекрасное лицо.
 Нахлынут вновь воспоминанья,
 Замкну печальное кольцо.
 Но, может быть, одолевая
 Рутинных дней седую пыль,
 Мой номер робко набирая –
 Случайность перепишешь в быль.

15 декабря 2013 г.
 Ереван-Киев

Прозрачный день хрустально чист и светел.
Октябрь бьется с серым ноябрем.
Нас днем рожденья новый год отметит,
Но мы живем своим календарем.
В нем что ни день – свое лицо и звуки.
Одни печалют, радость от других.
Здесь первый вздох, протянутые руки...
А этот день был нежен, робок, тих.
Наш календарь не дата на бумаге.
В нем жизнь кипела и сейчас живет.
И требует поступка и отваги
Боль превращать в звучанье новых нот.
Мазками дней писать свою картину.
И ткать судьбы невидимую нить.
И показать, что даже малым сердцем
Возможно, нам по-крупному любить.

27 октября 2014

Забери себя, забери.
 Душу взглядом своим не томи.
 Зablудился в себе, как в лесу.
 Я уже себя не пойму.
 Испытанье тобой – выше сил.
 Верю, Бог бы меня простил.
 Если нет, то тогда почему
 Вывел к этому рубежу –
 Где сидишь ты рядом со мной.
 Замерев, я люблюсь тобой.
 Мне никак до тебя не дойти.
 Нет дороги к тебе прийти.
 Мы с тобой из разных миров,
 Зablудилась в них наша Любовь.

Альме

Я собаке только имя дал,
А она нам подарила счастье.
Цвел наш сад, и дом наш процветал.
Оберегом стала от напастей.
Добрый нрав, виляние хвостом...
Ластилась к друзьям и незнакомцам.
В жизни не знакомая со злом,
Вместе жили мы под крымским солнцем.
Но сегодня с нами нет тебя.
Лай не слышен. В доме стало тихо.
У собаки тоже есть душа.
И потеря стала общим лихом.

07.12.2014 Симферополь

Малодушие

Малодушие как удушие —
Полной грудью уже не вздохнуть.
Исчезает бывшее радушие,
И твоя проявляется суть.
Неприглядная, с червоточиной,
Будто ветошь истрепана вдрызг.
Шляпа винтика сбита и сточена,
И судьба рикошетами брызг.
Несмываемо, неисчезаемо...
Голос сорван и больше не петь,
Потому что совесть под маскою
Очерствела. Не может краснеть.
И живешь будто Богом оставленный —
Человек, утративший лад,
И вдыхаешь воздух отравленный,
Сам везде и во всем виноват.

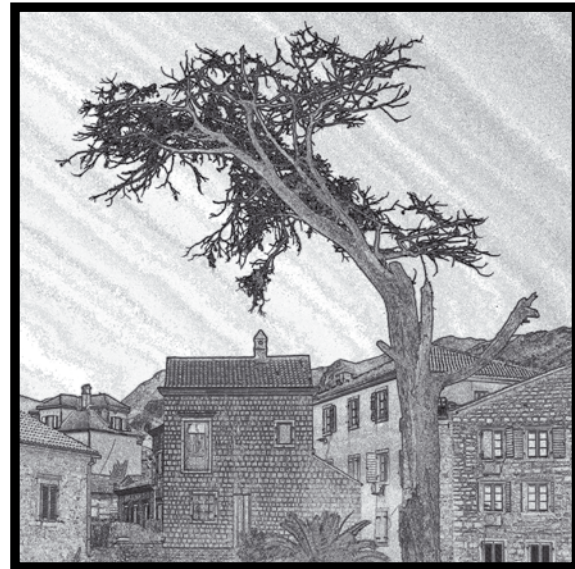

Февраль 2015

Баллада о доме

В далеком том далеко,
Что скрыто тайной лет
Под спудом и глубоко
Лежал один секрет.

Он прост, не без намека,
Как божий день он чист —
За пазухой у Бога
Лежал заветный лист.

В свой срок на нем напишет,
В положенный нам час,
Слова свои Всевышний,
Испытывая нас.

Как на ладони Бога.
Чей лучезарен лик.
Своей большой семьею
Жил на земле старик.

В полях его работа,
И рядом сыновья.
А он как ствол для рода
И в круг стоят дома.

Так жили-поживали —
Все были за одно.
Совместно наживали
И делали Добро.

Но мир перевернулся —
Песочные часы.
И стрелкой повернулись,
К лихой судьбе, весы.

То было среди ночи —
Разбужен был старик,
Предчувствием недобрым,
Что кто-то в дом проник.

Вокруг он огляделся —
 Все тихо и темно.
 Его вдруг потянуло
 Из дома на крыльцо.

Там в серебристом свете
 Стоит среди двора
 Архангел белокрылый
 С Добром вокруг себя.

Старик к нему подходит,
 Робея говорит:
 С какой благою вестью,
 Высокий твой визит?

И ангел отвечает,
 Что послан он Отцом
 Забрать без промедленья
 Семьи его Добро.

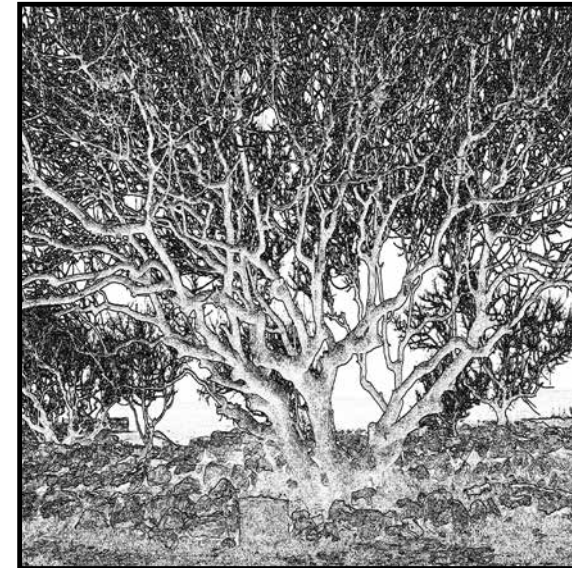
На выбор предлагает —
 Отдай годов труды —
 Все нажитое разом
 Иль мир своей семьи.

Старик недолго думал:
 Раз надо — забирай,
 Все нажитое потом,
 Но мир нам оставляй.

Когда едины родом
 Мы сможем миром все.
 Вернем, по воле Бога,
 Трудом свое добро.

Вознесся ангел в небо
 С словами на устах —
 Ты сделал верный выбор,
 Живи, старик, в веках.

Оставлю груз былого за чертой,
И новую главу начну писать.
С лица смываю пыль дорог водой,
Чтоб с новой силой думать и мечтать.
О том, что там за кромкой синевы,
На перекрестках судеб и ветров,
Откроются мне новые миры,
Судьбы грядущей отворив засов.
Что гонит вдаль из дома и тепла
В нелегкий, неизведанный мне путь?
Куда зовет, манящая рука?
И в чьи глаза хочу я заглянуть?
Не изменить рожденья первый крик.
Двух дат в судьбе неумолим диктат.
Но голос мой пока еще не сник
И сердце ищет новый строй и лад.

17.06.2017 Симферополь

Гутиера моя, Гутиера!
 Не зазноба еще и не вера.
 Ты не карта забытого клада,
 Не икона — пока без оклада.
 Не Грааля священный напиток,
 И не мудрости тайной, ты, свиток.
 Не дорога, идущая к храму.
 Не интрига, ведущая драму.
 Не Вершина и не граница,
 Не зовущая далью Жар-птица.
 И не музыка струй водопада,
 Сердцу буйному ты не отрада.
 Ты не искра горящего взора,
 И не воин ночного дозора.
 Ты никто, ты ничтожная малость,
 Но когда ничего не осталось —
 Ты глоток живительной влаги,
 Ты Отчаянье для отваги.
 Эпилог в моей жизненной пьесе.
 Ты слова ненаписанной песни.

21.07.17

Мне кажется сил уже не хватает —
Дорога все круче, трудней,
И снег прошлогодний на сердце не тает —
Смятенье сильней и сильней.
Нет времени сделать привал у дороги,
Понять куда же идти.
Как-будто расписаны вехи и сроки —
Боюсь не успеть, не дойти.
А цель ускользает, лишённая смысла,
Куда мне вести караван.
Сплёнаты в узел неясные мысли,
Усталость сочится из ран.
А сумерки гуще, неясные тени —
Не трудно сбиться в пути.
Высокой ценою последних мгновений
Я должен дорогу найти.

Январь — 11.03.2018

Душа устала в суете
 Душа устала.
 Все важное произошло,
 Ушло, пропало.

Истлело медленно оно
 Так, незаметно.
 И в Лету кануло давно.
 Да, безответно.

Со мной по жизни
 Вместе шла. Не отставала.
 И в трудный час она меня
 Оберегала.

Делил с ней черствую судьбу —
 Краюху хлеба.
 Со мной и в радость, и в беду —
 Под общим небом.

Я лгал другим
 Я лгал себе, Но в чудо верил.
 Молился за себя в душе
 И снова мерил —

На чашах собственной судьбы —
 Грехи и будни.
 Но без отчаянной души —
 Мне очень трудно.

Я с нею вечно не в ладах —
 Повенчан кровью.
 Но каждый раз она меня —
 Казнит Любовью.

16.02.2020

Ф.

Я напишу когда-нибудь стихи,
 В которых будут только Я и Ты,
 В которых слов обыденная пыль
 Вдруг сложится в эпическую быль.
 В ней неба синь прольется в небеса,
 А будничное дело в чудеса.
 В них руки превратятся в два крыла.
 В реторте жизни сплавится судьба.
 Нам жить бы, понимая важность дел.
 И в суетности видеть свой предел,
 И бренность жизни принимать как дар.
 Пить горький, но желанный жизни вар.
 Ткать каждый день судьбы тугую нить.
 Существовать не надо, надо жить.
 И если собирать, чтоб отдавать,
 И так любить, чтоб знать за что страдать.
 И уходя оставить яркий след –
 Двух разных, связанных судьбой комет,
 Чтоб даже через время не смогли
 Потомки потерять наши следы.

Май 2020

Տ.

Կգա մի օր՝ ես կնստեմ
 Կգրեմ մի ոտանավոր,
 Լոկ ինձ ու քեզ հերոս կընտրեմ
 Տողերիս համար կարևոր:
 Իմ բառերով հանգավորված
 Կկառուցեմ մի նոր աշխարհ,
 Որտեղ ամեն հասարակ բան
 Դառնա հրաշք մի իրական,
 Օրըստօրե թելը մանենք
 Մեր ընդհանուր անցնող ուղու,
 Ճակատագիրն հալեցնենք
 Կյանքի այս մեծ հորձանուտում:
 Մեր ձեռքերը թևեր դառնան,
 Որ մեզ տանեն ու հասցնեն
 Կյանքի վերջին սահմաններին,
 Բայց ինչ ունենք՝ դեռ պահպանենք:
 Եվ ընդունենք որպես ընծա
 Ունայնությունն այս աշխարհի,
 Ոչ թե միայն գոյատևենք,
 Այլ իսկապես ապրենք, ապրենք:
 Թե ինչ-որ բան էլ կուտակենք՝
 Միայն, միայն տալու համար,
 Ու թե սիրենք տանջանքներով՝
 Հասկանանք, թե ինչու համար:
 Երբ օրհասի ժամը մեր գա,
 Երկնքի մեջ անծայրածիր
 Զույգ վայր ընկնող գիսաստղի պես
 Թողնենք հետքեր մենք լուսածին:
 Որ սերունդները ապագա,
 Թեկուզ երկար դարեր անցնեն
 Եթե հիշել կարողանան
 Մեր հետքերը չկորցնեն...

*Թարգմանությունը՝
 Վ.Վերմիշյանի*

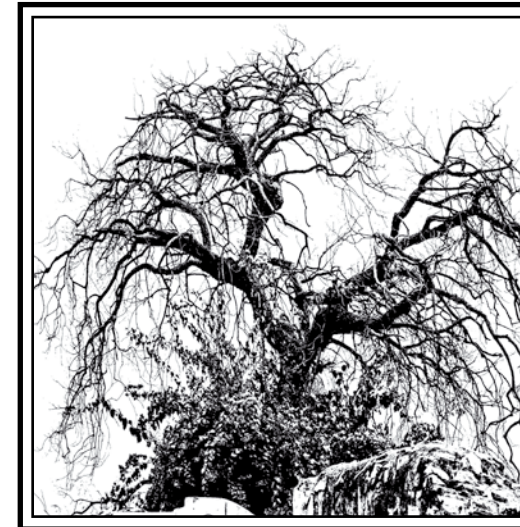

О главном

К двадцать четвертому апреля

Этот день — день скорби народа нашего, день его неизбывной боли, день траура. Если есть что-то чудовищно несправедливое — так это: превратить весну — время пробуждения к жизни — во время смерти. Камни плакали, реки выходили из берегов от тел убитых, песок пустыни становился влажным от крови, седой Арарат еще более поседел от горя. Убивали народ наш у подножия библейской горы. С живой плоти земли сдирали заживо кожу, вырывали сердце, кололи глаза, отрубали ятаганом голову. Лишали народ жизни.

Не слышит сегодня Ван слова Нарека, не звучит оровел на полях Анатолии, не касается рука армянина базальта Арарата. Ветер злой судьбы развеял народ, как прах по земле. Но из праха, из пыли скитаний, из предсмертного стога армянина, из отчаянных слез армянки возродился народ. И как сталь клинка закаляется под ударами молота, жаром огня и стылой водой, так и народ наш вышел победителем в схватке со смертью и своими врагами. Он превратил горе свое в силу свою, слезы в песню, стон в звуки дудука. Враг, сам того, не ведая и не желая, убивая нас, обрек на жизнь и бессмертие.

Вы, зажигающие сегодня свечу памяти — сыновья и дочери народа своего. Вы, стоящие рядом со мной, находитесь не здесь, а в том чудовищном прошлом. Там — защищаете себя, бьетесь в неравном бою за дом свой, семью свою, Родину свою. Каждый из вас фидаин Сасуна и Зангезура, Муша и Муса Лера. Вы подаете заряженное ружье, помогаете раненому, встаете вместо убитого в бою. Вы спасаете отца своего и мать свою, брата своего и сестру свою. Поэтому народа нашего не убудет в веках.

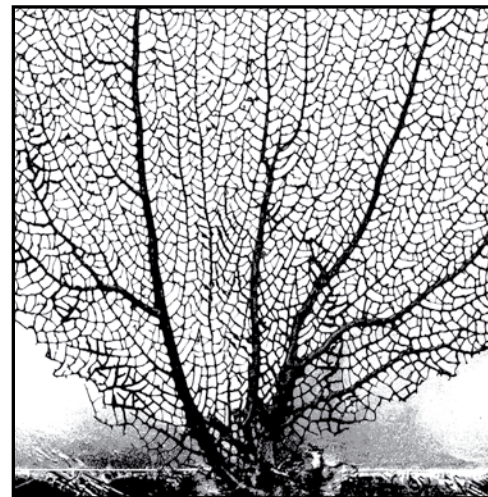
Надо сравнять с землей Арарат, высушить Ван, сжечь все экземпляры Святой книги, чтобы нас не стало. А пока они есть, будем и мы — музыкой Комитаса, полотном Сарьяна, «Неумолкаемой колокольней» Паруйра Севака.

И даже если впереди самая длинная дорога к дому, наш народ пройдет её и вернется к нему.

Смыслы культур: проблемы перевода

Это было почти три десятилетия назад. Я был тогда еще молодым лаборантом-исследователем Института философии и права Академии Наук Республики Армения – принялся изучать армянский язык. Недавно переехав из Баку в Ереван, я должен был сдать экзамен по армянскому языку – диктант, чтобы позже выйти на защиту диссертации. Мне пришлось сложно, так как в то время я не знал ни одной армянской буквы. Замечательный человек и мудрейший философ – профессор Гамлет Амбакумович Геворкян – мой научный руководитель – предложил мне начать изучение языка с заучивания стихотворений Ваана Терьяна – с высокого уровня языковой культуры. Он выписывал для меня эти стихи кириллицей, и я учил их наизусть. Мне трудно передать вкус родной речи на языке и губах. Происходило какое-то удивительное генетическое припоминание.

Второй совет был неожиданным. Он мне предложил активнее общаться с водителем директора института — Жорой. Изучение языка с двух противоположных уровней: с высокой поэзии и с низового, повседневного употребления языка — позволил очень быстро влиться в языковую среду, поэтому и экзамен был сдан в срок. Из этого эпизода я вынес опыт погружения в языковую среду и перманентного перевода с русского на армянский и обратно. Начал бессознательно превращаться в переводчика не просто с одного языка на другой, но — смыслов одной культуры на концепты иной.

Мы часто говорили с моим научным руководителем об этом. Надо заметить, что он был прекрасным переводчиком и в совершенстве владел и русским, и армянским языками. Однажды он мне рассказал интересную историю о трудностях, с которыми столкнулся выдающийся армянский поэт Ованес Туманян при переводе одного из стихотворений А. С. Пушкина. Позже я прочел следующие строки о переводе у О. Туманяна: «Перевод подобен розе под стеклом: почти невозможно, чтобы переводчик дал благоухание, непосредственное обаяние подлинника. Однако всегда требуется, чтобы он оставался верен мысли подлинника и был понятен читателю». (Туманян-критик (на арм. яз.). — Ереван, 1939)

Я уже запомнил название того пушкинского стихотворения, но речь в нем шла о том, что девушка сидит в избе у окна, смотрит на дорогу в ожидании своей судьбы — своего суженого. Безусловно, О. Туманян понимал, о чем писал А. С. Пушкин, но образ, созданный великим русским поэтом, при точном переводе был бы совершенно непонятным для армянского читателя. Причина была банальной, но существенной. Просто армянский дом был устроен совершенно по-другому. Его окна выходили во внутренний двор дома, из них никак нельзя было видеть дорогу. И тогда О. Туманян передает армянам смысл отмеченных строчек другим, знакомым им образом. А именно, он описывает, как девушка с подругами сидит «под стеной» своего дома и смотрит на дорогу. Именно тогда я впервые столкнулся со сложностью перевода и необходимостью искать не только точное слово, но и руководствоваться сопоставимыми смыслами различных культур.

Интуитивно раньше я уже пользовался именно этим способом при своих первых переводах. Они были связаны с необходимостью читать лекции на азербайджанском языке в Политехническом институте в Баку. Там, до переезда в Армению, я работал инженером-программистом и очень хотел преподавать. Я посчитал, что лучшим способом для быстрого и глубокого изучения языка могут быть поэтические переводы. Я всегда увлекался поэзией, и мне посоветовали почитать стихи Хагани Ширвани. Они мне очень понравились, и я начал впервые пробовать свои силы в переводе.

Не мне судить, насколько хорошими они получились, но некоторые из них мне до сих пор нравятся. Это свободные, вольные переводы на русский язык. Главное в них — воспроизведение чувств, переживаний. Точность прямого, дословного перевода убивает чувства, и с этим я не мог согласиться. Поэзия, не вызывающая сильного эмоционального переживания, собственно ею не является. Именно такого подхода я потом всегда придерживался.

Годы спустя я столкнулся с проблемой перевода снова и совершенно неожиданно при чтении замечательного рассказа Борхеса «Искания Аверроэса» (La busca de Averroes). Арабский мыслитель создает комментарий к трудам Аристотеля и никак не может понять два неведомых ему слова — «комедия» и «трагедия». В средневековой арабской культуре не было феномена театра, и великий философ не может перевести «Поэтику» Аристотеля. Проблема заключалась не в том, что два мыслителя разделены временем в полтора тысячелетия, а в том, что не был найден сопоставимый культурный смысл.

Время от времени я берусь за перевод, когда оригинал оставляет сильное впечатление, когда не хочется расставаться с текстом, а, наоборот, хочется, чтобы он стал родным. И здесь на помощь приходит перевод.

Аварайр 2.0

(часть 1)

Мы превратились в артефакт.
В нас жизни нет и нет мечтанья.
Истории последний акт
Печальной сцены умиранья.

Ни труб военных страшный рев,
Ни персов полчищ гулкий рокот,
Ни топот боевых слонов,
Ни колесниц растущий грохот.

Ни тучи выпущенных стрел,
Ни солнце, что они затмили,
Ни горы умерщвлённых тел,
Ни копья, что сердца пронзили.

Ничто нас не смогло сломить.
Судьба нас была жесткой плетью.
Мы обреченные чтоб жить,
Не раз целованные смертью.

Как будто все там полегли
 На Аварайра славном поле.
 И дух армянский не смогли
 Нам передать, хотя бы доли.

Рассеяны по всей земле
 Полки диаспоры и люди.
 Как сохраниться им везде,
 Не потерять армянской сути.

Себя в себе не удержать.
 Теряем все — язык и веру.
 За что нам биться и страдать,
 И где найти иную меру.

И мерить на каких весах
 Так уцененное армянство?
 Что впереди? Последний крах
 С приобретенным окаянством?

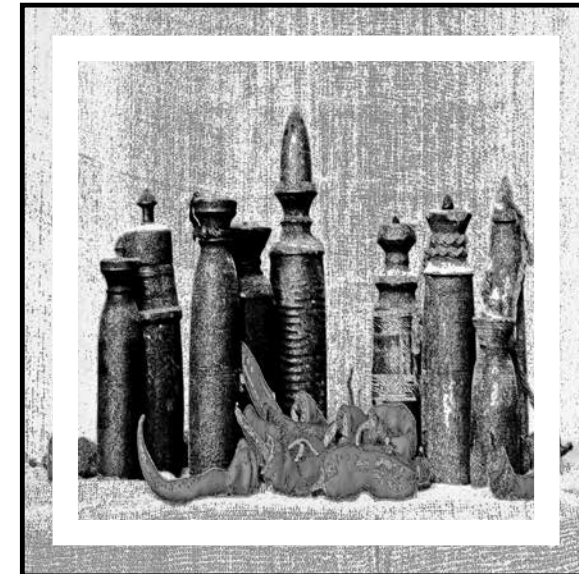
И если мой народ умрет,
 Лишившись смысла в этой жизни,
 Пусть смерть ко мне Господь пришлет,
 Нет места мне на этой тризне.

Зачем нам жить, за что страдать?
 Что нам любить и ненавидеть?
 Как нам творить и созидать
 Без смысла зрячим не увидеть.

Когда не петь нам оровел?
 Когда не знать нам вкус лаваша?
 Скоропостижность наших дел —
 Судьба, разменянная наша.

Возможно внук ко мне придет.
 Захочет он спросить у деда.
 Куда нас рок судьбы ведет?
 Ни слов не знаю, ни ответа.

Шарлю Азнавуру

Да! Орущих камней страна
Удержи свою боль и крик.
Отлетела от нас душа,
Но остались голос и лик.

Нам не знать ли горечь потерь
И читать за всех «Упокой».
О Господь, открой ему дверь,
И оставь его рядом с собой.

Ты его от резни уберег.
Дал талант долго жить и петь.
Заменял судьбой его – рок,
Чтобы многое мог он успеть.

Здесь он пел и зал замирал.
Улыбался, с нами грустил.
Здесь любил он и сострадал.
Радость нашу и горе делил.

Мне до боли сводит гортань,
Но не стыдно за слезы свои.
Ворожей человеческих ран,
Звук надежды, веры, любви.

Двух народов наследный принц.
Коронован любовью людей.
Твой талант не знавший границ,
Одoleвший их песней своей.

Голос твой в парижских кафе
И в спитакских руинах звучал,
Но сегодня мы о тебе
Тихо молимся при свечах.

Да! Орущих камней страна
Удержи свою боль и крик.
Отлетела от нас душа,
Но остались голос и лик.

04.10.2018

Аматуни Ашоту Апетовичу

Герою Советского Союза

Понимаю люди не вечны,
И у каждого свой срок
Уходить дорогою Млечной
По маршруту, что выписал Бог.

По делам и по нашей вере
Перед ним нам держать свой ответ
Душу взвесит, грех наш измерит
Всех по жизни отпущенных лет.

Среди нас без гордыни и лоска,
Убеленный годами старик,
Жил достойно, спокойно, не броско
Много весен и все же как миг.

Но тогда в огнедышащем вихре,
Где металл, да и камень горел.
С глаз отбросив черные вихры,
Ратным подвигом смерть одолел.

Там война, не знавшая счета,
Жизнью шла его сразу ва банк,
Но давя фашистские дзоты,
Вел в Берлин он отчаянный танк.

Род от времени, ставший древним,
Нам в пример как сражаться с врагом,
За отчизну, чтоб с небом синим,
С красным знаменем, с вечным огнем!

Базальт

К войне 2020 года

Я молчал, потому что был оглушен
 Я молчал, потому что казалось все — сон.
 Страшный, жуткий, тянущий ко дну,
 Но с надеждой проснуться в холодном поту.
 Я молчал потому что не было слов —
 Онемевшего горла отчаянный рев.
 От такого сходил с ума Комитас —
 Его музыка снова для нас и о нас.
 Мы народ, чья гора приютила ковчег,
 У истоков стоим человеческих рек.
 Наше черное горе стало черней —
 Всколыхнуло всех нас, дошло до корней.
 Неужели преследовать будет нас рок?
 Вопрошаю тебя Всемогущий наш Бог.
 Справедливость и совесть опять не в ладах
 Значит снова весь мир утонет в смертях.
 Потому что то зло, что убило армян
 Рикошетом вернется в предательство стран.
 Наши парни шли в бой, осияны крестом,
 Не за землю чужую, за очаг свой и дом.

Навалилась вся мерзость бандитской шпаной,
 Побоявшись вступить с нами в праведный бой.
 Если кто-то нам скажет, что враг победил.
 Тот не знает армян, с ними в бой не ходил.
 С нами Хайк и Давид, Монте, Баграмян
 Рядовые мальчишки, Великий Тигран!
 Если нечисть разрушит святой Дадиванк,
 Мы ответим kloкочущим Вардананк, Вардананк!
 Возродимся из пепла, превратимся в кулак,
 Что как глыба базальта, пусть боится нас враг,
 Просыпаясь ночами в армянском Шуши
 Не от слез, а от песни армянской души.
 Детский смех будет пулей в разрез его глаз.
 Пусть всегда и везде он помнит о нас.

Мы оплачем героев каждой семьи.
 Встанем рядом и спляшем наш кочари.
 В нашей долгой судьбе немало побед,
 Что венчали собою путь наших бед.
 И я верю неистово, с болью в глазах,
 Что воспрянет несломленный духом Арцах!

Ноябрь 2020 г. – 16 февраля 2021 г.

Океаны взрываются о берега,
Укрощая в брызгах свою прыть.
Жизнь от тревоги сошла с ума,
А мне говорят спокойным быть.

Мирные дни ускользают из рук.
Нам тайну будущего не раскрыть.
Умом не понять вселенских мук.
А мне говорят спокойным быть.

Лишились ума зерно и росток.
Щекоткой камень можно убить.
Над миром навис его страшный рок.
А мне говорят спокойным быть.

Вселенная вся сошла с ума,
Под взглядом её душе моей стыть.
В пепле моем пропала искра.
А мне говорят спокойным быть.

Пепел жизни без искры остыл.
Сумасшедших вижу вокруг себя.
Потух моей жизни былой пыл.
Но прав не имею сойти с ума.

вольный перевод
стихотворения
Амо Сагияна

Օվկիանոսները ելնում են ափից
Եվ պատառոտում իրենց անխնա...
Խելագարվել է կյանքը տագնապից,
Իսկ ինձ ասում են՝ թե խելոք մնա:

Խաղաղ օրերը գնում են ձեռից,
Ի՞նչ է լինելու, մարդ ինչ իմանա:
Խելագարվել է աշխարհն իմ խելքից,
Իսկ ինձ ասում են՝ թե խելոք մնա

Խելագարվել են ցորեն ու բողբոջ,
Խուտուտ տաս՝ քարի ուշքը կգնա,
Խելագարվել է տիեզերքն ամբողջ,
Իսկ ինձ ասում են՝ թե խելոք մնա:

Խելագարվել է տիեզերքն ամբողջ,
Աչքերը չռել իմ հոգու վրա...
Ես իմ մոխրի մեջ վառվում եմ անբոց,
Իսկ ինձ ասում են՝ թե խելոք մնա:

Ես իմ մոխրի մեջ վառվում եմ անբոց,
Խելագարվածներ մոտիկ ու հեռու:
Բայց կյանքս անցավ... Եվ հազար ափսոս,
Որ հնար չունեմ խելագարվելու:

Мои года — как костыли —
 Пустыми улицами звук.
 На них до детства не дойти.
 Стирает жизнь их мерный стук.

Что связи новые сейчас?
 Любовь лишь первая чиста.
 Во мне несбывшаяся страсть,
 Не целовавшего креста.

Вкусил я от добра и зла.
 Их блеском был я ослеплен.
 Смеялась надо мной толпа.
 Страны молящей слышал стон.

Напротив, встал передо мной
 Смертельной маски страшный лик.
 Оттенки вижу старой лжи,
 И ужас близит жуткий крик.

Седой мечты потухший взгляд —
 Шлет небесам свою мольбу.
 И жизни жаждою объят,
 Прошу я сушу кораблю.

Видением встает гора.
 Вершины вижу белизну.
 Кто не поверил — их сердца
 Пошли камнями ко дну.

У звуков вырезан язык.
 У горла спазмы немоты.
 Среди призраков блеснувший лик —
 Путь указал из темноты.

Меня коснулся он слегка,
 Безмолвной песнь была его.
 Шепнул лишь слово для меня.
 Я обернулся — никого.

*вольный перевод
 стихотворения
 Г. Г. Тамразяна*

Իմ տարիները չոր հենակ,
 Փողոցներում դատարկ հնչյուն:
 Ինչպես հասնեմ քեզ, մոտենամ,
 Իմ տաք երակ, իմ մանկություն,
 Երբ տարիներն են ինձ ջնջում:

Մտերիմներ՝ թե հին, թե նոր:
 Մաքուր էր սերն իմ առաջին:
 Չեղած մի կիրք, մի նոր կարոտ,
 Որ մոտեցավ իր շուրթերով
 Այդ չպղծված միակ խաչին:

Ճաշակեցի և քեն, և ոխ,
 Ու կուրացած իր փայլերից
 Քրքջացող մարդկանց ամբոխ
 Ո՛ր կորուստներ թե հին, թե նոր,
 Ո՛ր մուրացող իմ հայրենիք:

Ահա կանգնել է իմ դիմաց,
 Դա ես տեսել եմ, թե լսել,
 Օ սոսկահար մահվան դիմակ,
 Օ մոտեցող աղաղակներ,
 Եվ հին ստի նոր երանգներ:

Ճերմակ երագ, ճերմակ աչքեր՝
 Ճերմակ երկրի աստղին հառած,
 Ճերմակ ցամաք, ճերմակ մի նավ,
 Անիրական կյանքի ծարավ
 Ո՛ր ժամանակը կանգ առած:

Աչքերիս դեմ ճերմակ մի սար
 Ո՛ր մեր ճամփան՝ ճերմակ տեսիլք,
 Ո՛ր մեր հայացքը համընթաց,
 Ո՛ր անհաղորդ սրտերը սառ
 Քարի նման թափվում են ցած:

Մեղեդիներ լեզուն կտրած
 Ո՛ր տեսիլքն էլ մեռած ու վողջ,
 Այդ խավարի մեջ ինձ գտավ,
 Այդ գիշերից ինձ դուրս հանեց
 Խզված կոկորդն իմ ընկերոջ:

Նա շոշափեց կույրի նման
 Իր երգը լուռ ու կյանքը կարճ,
 Նա լոկ մի բառ ինձ շնջաց,
 Այսպես կիսատ ու սիրտը կախ,
 Ես շրջվեցի...բայց նա չկար:

Իմ տարիները չոր հենակ,
 Փողոցներում դատարկ հնչյուն:
 Ինչպես հասնեմ քեզ, մոտենամ,
 Իմ տաք երակ, իմ մանկություն,
 Երբ տարիներն են ինձ ջնջում:

Ты, Человек!

Как тайнопись неясная — Ты, человек!
Светом свечи, рассеяв тьму, вперед идешь.
И как песок стряхнешь мираж с горящих век.
Во тьме заблудший, темноте — не присягнешь.

Ты сквозь туман и пелену горячих слез
От света взгляда своего не отведешь.
И даже траура покров не спрячет грез.
Влюбленный, горю своему, не присягнешь.

На шее цепь и на руках лишь кандалы,
Но ты, орлом взмывая ввысь, себя несешь.
Пусть своды жизни строят склеп твоей тюрьмы,
Но задыхаясь, ты, цепям не присягнешь

Пусть на твоём пути шипы терзают плоть,
И пальцы терниями в кровь свои сотрешь.
Благоуханье райских кущ не побороть.
Но боли адской, никогда, не присягнешь.

И не понять тебя во век, как существо.
И жизнь, — цветущую земле ты предаешь.
Лица коснется твоего судьбы крыло.
Но даже смерти ты своей не присягнешь.

Как тайнопись неясная — Ты, человек
Светом свечи, рассеяв тьму, вперед идешь.
И как песок стряхнешь мираж с горящих век.
Во тьме заблудший, темноте — не присягнешь.

Вольный перевод
стихотворения
Мушега Ишхана

Մարդ արարած

Տարօրինակ, տարօրինակ մարդ արարած,
Մոմմի լույսով՝ խավարին մեջ համատարած
Կը հալածես դուն տեսիլքներ արևավառ,
Կը խարխափես և խավարին չես հավատար...

Արցունքներուդ միգամածին խորեն տմույն
Գիտես նայիլ արշալույսի ճաճանչներուն.
Սուգի քողին տակ հուսալից դուն սիրահար՝
Կր տառապիս և վիշտերուդ չես հավատար:

Վզիդ շղթա և թևերուդ ծանր կապանք՝
Ղուն կը փորձես արծիվներու վայել ճախրանք
Եվ այս կյանքի մեծ բանտեն մեջ բաղմակամար,
Կը խեղդվիս՝ շղթաներուդ չես հավատար:

Փուշ ու տատասկ քեղ կ'արյունեն ճամբուդ վրա,
Բայց խոցոտված քու մատներով արյունվա
Ղուն կ'որոնես ծաղիկներու հոգին պայծառ,
Ցավեղ կ'ոռնաս և ցավերուդ չես հավատար:

Տարօրինակ, տարօրինակ մարդ արարած,
Քու ձեռքերով հողին կուտաս կյանքեր ծաղկած
Կ'ըղգաս դեմքիդ մահվան քամին և հողմավար
Կ'իյնաս անշունչ, սակայն մահվան չես հավատար...

Подарок как проблема жизненного выбора

*традиционалистские искания армян
в модернизирующемся обществе*

Моей сестре Камиле посвящается

Со времени свадьбы нашего дяди (брата, друга, сына, отца – выбрать по согласованию) Левы с Венерой, когда им были подарены 23 белые нейлоновые рубашки сорок второго – размера вполне классического размера для обуви, но никак для худенькой шеи почти армянского и почти вундеркинда. Когда количество черных галстуков на резиночке со стекляшкой под бриллиант посредине превысило возможности доносить их даже следующему поколению. Когда самым шикарным подарком оказался двадцатирублевый трехпроцентный заем, выигрыш собственного номинала которого через семнадцать лет поставил семью Муселовых и (не буду называть какую, чтобы не бередить старые раны) на грань внутриплеменной разборки. Когда бдящее око моей великой бабушки Айкануш осталось недовольным всеми подарками, а мой дядя философски изрек: «Теперь мы, по крайней мере, знаем список того что не нужно выпускать советской легкой промышленности». Я понял, насколько это хлопотное и почти безнадежное дело – выбрать подарок любимому и родному человеку, какой ты для нас всех являешься, моя младшая сестра. Войдя в Интернет и побродив по его бесконечным страницам, я остался неудовлетворенным, как настоящий мужчина может быть неудовлетворен видом спустившегося чулка на волосатой ноге другого мужчины. Ворочаясь в постели всю ночь, я прокручивал в голове все наши пожелания и пристрастия по поводу подарка моей семье тебе.

Что бы сказала и наверняка сказала наша мать — Седа: «Мы не настолько богаты, чтобы дарить дешевые вещи. Моя дочь сама бриллиант и достойна бриллианта». Но про себя подумав, что все это надо будет оплачивать её самому любимому дитяти, предложила компромисс — деньги. «Пятьдесят, — скажет она и, как уважающая страну пребывания с видом на жительство, добавит, — гривен — и обязательно огромный букет из трех роз». Фаина, жена моя, очень дипломатично уйдет от ответа встречным провокационным вопросом: «Мама, спросите у Камилы?», а так как никто спрашивать не будет, то она постарается предложить в последний момент очередную косметичку. Старший сын вспылит. Горячая кровь его деда Аршавира и прирожденное чувство справедливости и доброты откликнется на первый порыв бабушки: «А давай, действительно, подарим бриллиантовое кольцо. Готов оплатить, только футляр пусть будет от семьи, так я сейчас сильно эко-

номлю и собираю деньги на строительство дома». Средний сын несет себя людям как подарок, и он вообще недоумевает, почему мы не можем ничего сообразить и вообще это не его дело, но тетю он любит и без подарка. Младший сын, я имею в виду Ашота, как всегда пойдет своим путем к новому и еще никем не испробованному. А что если, действительно, подарить бриллиантовое кольцо, но взяв в долг у дяди Рачика? Причем покрыть через год первые, отмеченные бабушкой, 50 гривен. И так через десять лет, если страна будет принята во Всемирную Торговую Организацию, то в принципе дядя Рачик мог бы списать нам долг как другие страны Украине, тем более благодаря нам и от нашей семьи у его жены будет бриллиантовое кольцо. Так, проворочавшись всю ночь и не выспавшись, я сел и записал эти мысли, считая их лучшим подарком моей сестре.

Exzellenz

Мы шли каньонами старого Тбилиси. Чем дальше, тем ближе располагались стены соседних домов, готовые стукнуться лбами своих балконов. Узкая улочка уводила нас от шума и дыма центральных проспектов в иной мир, в иное время. Я всегда любил эти старые кварталы. У них была своя история, свои тайны...

— Сюда, — сказал Резо. Мы повернули направо и, пройдя гнутым переулком, вошли во двор, который показался обширным после блужданий по лабиринтам старых улиц. Поднялись по деревянной крутой лестнице, ступеньки которой проворчали что-то нудное, но не злобное, и оказались перед высокой дверью. Резо открыл её и пропустил меня вперед.

— Проходи. Проходи в комнату. Располагайтесь, а я сейчас что-нибудь соображу на стол, — сказал он и свернул в коридор, по всей видимости, ведущий на кухню. Я не успел возразить и, предоставленный самому себе, прошел в комнату. Тишина и усталость от долгой ходьбы располагали к созерцанию. Здесь удивительным образом сочетались старое и современное. На стене висели фотографии, выполненные, возможно, еще первыми фотомастерами старого Тифлиса. У окна стоял письменный стол, над которым, уходя под потолок, висели полки с книгами. Задрал голову, я начал с них. На самом верху подшивки старых журналов. Ниже художественные книги чередовались с книгами по математике, социологии и даже философии. Обычно книги в доме могут очень многое рассказать о хозяевах. И теперь я достраивал то мнение о Резо, которое сложилось у меня о нем, тем более, что нас познакомили только сегодня утром.

Вошел Резо с подносом, на котором, гордо выгнув шею, возвышался кувшин.

— Помочь? — спросил я?

— Нет, нет. Ты мой гость.

Ловко и быстро он колдовал над столом. А я вернулся к фотографиям, стараясь угадать родственные нити, ведущие от этих людей к моему знакомому. Резо снова вышел с подносом. Я осмотрелся и удивился тому, что стол был накрыт на троих. Решил, что, возможно, кто-то еще должен прийти.

В очередной раз появился Резо с поднятым на одной руке подносом и, как заправский официант, так же ловко переложил его содержимое на стол.

— Еще минутку и все, — сказал он, исчезая за дверью. Я подошел к окну. Вид был своеобразный: угол дома, на крышу которого тянулась, изгибаясь лоза. Я услышал за спиной шорох. Это вернулся Резо. Я обернулся и...

□ Да это был Резо, но не один. □

— Познакомься, это Теймураз Ильич, — сказал Резо и усадил его за стол. Мы тоже сели. Резо разлил вино. Выпили за встречу. Начали есть. Но я время от времени смотрел на Теймураза Ильича и чувствовал себя, как бы лучше подобрать слово, неуютно. Резо старался услужить ему, подкладывая в тарелку то одно, то другое. Мы обменялись несколькими незначительными фразами, и я вновь удивился, но на этот раз тому, что Резо отвечал мне тихим, приглушенным голосом, как-будто не желая беспокоить Теймураза Ильича.

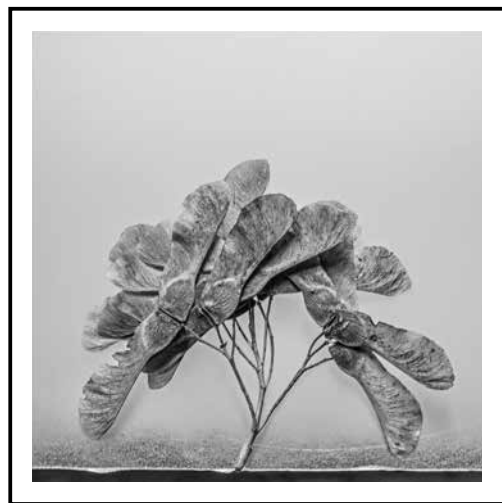
□

А тот, почти не замечая нас, как бы нехотя, но аккуратно и даже изящно чуть притрагивался к еде, не пачкая своих черных усов, и безмолвствовал. Все это показалось мне забавным, и я, чтобы снять напряжение затянувшегося молчания, сказал какую-то шутку, уже не помню, какую именно, но явно безобидную для всех сидящих за столом. Теймураз Ильич, не поворачивая головы, искоса взглянул на меня. Я до сих пор помню этот взгляд, полный презрительной снисходительности. И опять ни звука. А Резо криво усмехнулся, будто почувствовал себя неловко за мою шутку перед Теймуразом Ильичом, и как-то подобострастно подложил еще что-то ему в тарелку. И я, наконец, понял, что настоящий хозяин дома не Резо, а Теймураз Ильич, и мне, наверное, следовало бы быть более тактичным и даже предупредительным по отношению к нему. Я начал приглядываться к Теймуразу Ильичу, но старался теперь делать это незаметно. Он был необычен и даже величествен во всем черном. Его умеренность в еде наводила на мысль об аскетизме. Медленные, но полные достоинства движения чаровали. Умные и бездонные глаза горели каким-то внутренним огнем и гипнотизировали. Он мне чем-то напоминал черного кардинала, какого-то генерала иезуитского тайного ордена, о которых каждый читал в романах Дюма и Дрюона. Одним словом, это был Exzellenz — Его Превосходительство.

□

Он окончил есть. Разгладил усы. Невидящим взглядом скользнул по мне и Резо и направился к двери. Резо в это время допивал вино, но увидя, что Теймураз Ильич уходит, бросился к двери, чтобы открыть её. На какое-то мгновение он замешкался, и этого оказалось достаточным, чтобы Теймураз Ильич наградил его недовольным «Мяу!».

□

Февраль 1983 г.

О человеческой подлинности

*диалог о смысле социальных конфликтов,
о жертвах и принципе ненасилия
с заместителем главы миссии ОБСЕ в Украине
Франком Эверсом*

О. Габриелян:

112

- Конец двадцатого века ознаменовался такими кардинальными изменениями в мире, что они повлекли за собой социальные потрясения и войны. Вновь и вновь возникает вопрос о человеческой подлинности и её социальной сущности.
- В 1750 году, в своем первом значительном философском труде, написанном на тему, предложенную Дижонской академией «Способствовало ли восстановление наук и искусств улучшению или ухудшению нравов», Жан-Жак Руссо дал отрицательный ответ. Можем ли мы сказать, что сегодня ответ будет звучать иначе? Я сознательно оставляю этот вопрос без ответа. Им обозначается контекст наших рассуждений о природе социальных конфликтов, об их жертвах, о роли человека в них и как он осмысливает все это.

Ф. Эверс:

- Философия может ответить на это так — только время может дать оценку социальным событиям. Если внутри страны насильственным путем был создан определенный порядок, и общество на протяжении десятилетий мирно существует, и даже забыло цену, которую пришлось заплатить за такой порядок, может тогда жертвы были оправданы. Однако, с точки зрения жертв такое сказать нельзя.

О. Габриелян:

Возьмем такой свежий пример как арест Пиночета. По всей видимости, и на Западе не все считают, что цель оправдывает средства. Наряду с экономической стабилизацией и развитием, относительно безболезненной передачей власти демократическим Институтам, следует отметить, что в Чили была диктатура. Оправдан ли был чилийский прогресс теми жертвами, которые понес народ? В конце концов, в Чили была осуществлена насильственная смена власти.

Ф. Эверс:

- Прежде чем ответить на этот вопрос, по всей видимости, надо понять на каком языке ты говоришь: политическом, юридическом, философском и т.д. Потому что на первых двух языках ответ будет однозначным. По крайней мере на официальном политическом языке, на официальном юридическом языке. Если же говорить на философском языке, картина будет более сложной.

113

О. Габриелян:

Ф. Эверс:

О. Габриелян:

Ф. Эверс:

114

■ Но можно ли раскладывать этот сложный вопрос на различные языки? Вспомним как это у Достоевского: не приемлю мир, если в основании его слеза хотя бы одного загубленного ребенка. На мой взгляд, есть только один язык — язык человеческого существования. Только на этом языке можно говорить и говорить не когда-нибудь, а сейчас об этой проблеме. Возникла диктатура, осуществляется насилие, и на языке гуманизма надо говорить об этом. Осуждать или оправдывать насилие. Если возвращаться к этим событиям только постфактум и оценивать их, то мы всегда найдем для них соответствующие контексты, интерпретации. В этом случае можно оправдать любое насилие в истории. Если принять Ваш посыл о множественности языков, то тогда можно оправдать все, что угодно.

■ Собственно мы так и поступаем.

А правильно ли мы поступаем или это вопрос уже из другого языка?

■ Что касается различных языков, то мы здесь возвращаемся к герменевтике. Каждый присваивает себе определенный язык согласно своему быту, будь это индивид, группа людей или народ. В любом случае конкретное время, конкретный мир, некое усредненное его восприятие определяют этот язык. Люди живут в динамично меняющемся и неоднородном мире. И их ответы на конкретные вопросы сегодня могут быть другими завтра. Это с одной стороны. Но есть и другая сторона, касающаяся вопроса — можно ли оправдать насилие и есть ли смысл в жертвах. Ответ по всей видимости будет шизофреничным, в смысле философской абсурдности. На поверхности социального бытия декларирован и явлен принцип ненасилия, в то время как на уровне конкретного быта мы руководствуемся принципом насилия. Но каждый раз наличествует оправдание — мы поступаем так-то потому что ... Насилие присутствует всегда.

115

О. Габриелян:

□ Как я понимаю можно оспаривать диалектику Гегеля, но не диалектику социального бытия, в котором возможны идеалы ненасилия только потому, что в мире присутствует насилие. Я определяю для себя ситуацию, наличествующую в любом обществе, как положение динамического равновесия. Наглядным примером предмета, находящегося в таком положении, является детская игрушка — юла. В каждый конкретный момент времени она обречена на то, чтобы упасть, но во временной длительности она устойчива, и не падает. На мой взгляд — это могло бы быть хорошей иллюстрацией к моей мысли. Несмотря на то, что в каждый данный момент общество и люди руководствуются принципом насилия, но в динамическом равновесии оно находится благодаря тому, что руководствуются принципом ненасилия. Более серьезно — это можно объяснить следующим образом. Существуют десять заповедей Христа. Несмотря на то, что большинство из нас их нарушает, тем не менее, сознательно или бессознательно

□ мы ими руководствуемся, если принадлежим христианской культуре. Хотя очевидно, что в принципе сказанное справедливо для любой культуры.

Более того, время от времени раздаются голоса гуманистов, что мир, основанный на насилии, обречен. В семидесятые годы был крайне популярен «Римский клуб». (У нас это нашло отголосок в создании в свое время «Крымского клуба».) Так вот, признанный лидер этого движения, Аурелио Печчеи, как бы подытоживая гуманистическую традицию в своей известной работе «Человеческие качества», писал: «Насилие, его идеология и его проявления — вне зависимости от конкретных побудительных мотивов — являются проявлением культурной или социальной патологии, и их не излечить никакими гомеопатическими средствами. Только принципы и подходы, исключаящие насилие как средство решения каких бы то ни было проблем, могут создать в обществе условия, показывающие насилие

в его истинном свете — как извращение и отклонение от нормы человеческих взаимоотношений. Мир не станет лучше, если пытаться изменить его с помощью насилия, это могут сделать только исключаящие насилие методы и подходы. Я абсолютно уверен в истинности этого фундаментального принципа». И это говорит человек прошедший войну, тюрьму, работавший в управлении такими всемирно известными компаниями как «Фиат» и «Оливетти».

Я припоминаю также интересную статью Эфраимсона «Философия альтруизма», в которой автор показывает, что идеалы альтруизма, в том числе ненасилия, заложены в нас даже на биологическом уровне. Иначе человек и человеческое общество обречены на исчезновение.

Однако, до сих пор мы пытаемся объяснить почему происходит то, что происходит — в мире доминирует насилие. Но мы так и не ответили на вопрос — оправдано ли оно.

Ф. Эверс:

□ Мы по сути ответили на него. Находясь внутри событий или в непосредственной близости от творимого насилия — мы его не оправдываем.

О. Габриелян:

118

Но, отдалившись от него, создав соответствующий контекст, интерпретировав и переосмыслив его, мы находим оправдание. Например, считаем, что надо было пойти на него, чтобы предотвратить больше её насилие.

Ф. Эверс:

Если наше сегодняшнее более или менее мирное существование в своей основе имело насилие, то в настоящем мы готовы его оправдать. В самом понятии власть по определению наличествует насилие. Но мы можем убедиться на примере России, что слабость власти или её отсутствие грозят обществу анархией и еще большим насилием.

О. Габриелян:

Если резюмировать сказанное вами, то напрашивается вывод — можно все.

Да.

119

О. Габриелян:

120

□ Но если это так, то как быть с десятью заповедями. На самой заре цивилизации человечество выработало их по всей видимости потому, что крайне в них нуждалось. Все мировые религии регламентируют человеческое существование. Есть вещи, которые просто недопустимы в человеческом обществе. И как только общество стало достаточно развитым, оно их выработало и декларировало. В своей небольшой заметке 1918 года Герман Гессе писал: «Человек ... не зверь, и вообще не что-то опреде-

□ ленное, ставшее и готовое, единственное и однозначное, он становящееся, некая попытка, предположение, очерк будущего, воплощенная тоска энергичной природы по новым формам и возможностям. «Не убий!» В ту пору, когда впервые прозвучали эти слова, они являлись требованием неслыханным, чуть ли не равнозначным требованию «Не дыши!». Они казались невозможными, безумными и губительными. И все же эти слова продержались века, сегодня они значат не меньше, чем всегда, они поро-

дили законы, воззрения, этические учения, они оказались плодоносными и, как лишь немногие другие слова, потрясли и перетряхнули жизнь человека.» Гессе считает, что эта заповедь не имеет ничего общего с абстрактным альтруизмом. Главный смысл его — не лишай себя самого другого, то есть не причине вреда себе. Собственно, жизнь каждого есть отношение с миром, с «другими». Весь путь человечества до сих пор был трудным путем к постижению этой истины.

Ф. Эверс:

□ Не мы создали положение, когда все возможно. Мы пришли в жизнь, в которой это всегда было и остается таковым и в двадцатом веке.

121

О. Габриелян:

122

На поверхности могут оказаться антикультурные факты, противокультурное, античеловеческое поведение. Скажем, геноцид. Ты говорил о том, что мы пытаемся человека окультурить, т.е. сделать внешнее проявление его поведения приемлемым для общества. На самом деле, не всегда так происходит в жизни. Мы очень часто наблюдаем агрессивное поведение человека, который не озадачивается вопросом окультурить себя.

Ф. Эверс:

Так происходит ежедневно. Но мы находим в себе и для себя оправдание, что мы не такие. Создаем условия оправдания насилия.

О. Габриелян:

Но неужели относительно гуманистических принципов мы можем только констатировать, что они есть, то есть держать перед собой их фотографию и только.

Ф. Эверс:

Для начала давайте их поймем.

123

О. Габриелян:

124

■ Но наш разговор — как раз желание понять эти принципы.

Ф. Эверс:

■ Понять их — это значит признать, что на этих фотографиях не только гуманистические принципы, но и мы сами со всеми своими плюсами и минусами, со всем своим гуманизмом и антигуманизмом. На этих фотографиях, может быть не всегда приглядных, отображены не только ОНИ, но и Мы. А это уже фундаментально. Если человек сумел сказать себе об этом, то он осознал нечто важное и главное. Тем более, если это удалось народу. Но — это вряд ли осуществимо в наше время. Это , во-первых.

О. Габриелян:

По-моему на каком-то этапе народ говорит это сам себе. Мне кажется, хорошим примером может послужить история немецкого народа.

Ф. Эверс:

■ Я умышленно не приводил пример Германии, так как — это очень наглядный пример всей нашей беседе.

125

О. Габриелян:

□ На мой взгляд, история немецкого народа в XX веке показывает, что народ сделал какие-то выводы для себя.

Ф. Эверс:

□ Я не думаю. На поверхности — это возможно так и выглядит. Однако это осуждение насилия не от сердца. Наши предки не были пассивны в осуществлении насилия. В существовавшей государственной идеологии они, по всей видимости, нашли то, что их удовлетворяло, соответствовало их желаниям и потребностям. Все происходило не по желанию одного человека и вина ложится тоже не на одного человека. Все породили этого ОДНОГО, а он породил ВСЕХ. И здесь мы снова будем применять обычную тактику оправдания. Это был один человек, группа людей, в этом виноват режим, в конце концов, это были не мы, а наши деды и прадеды. Но здесь надо быть осторожным в высказываниях, так как весь наш диалог может быть интерпретирован на политическом языке. И тогда начнут раздаваться голоса — в чем ты нас обвиняешь. Да ни в чем я никого не обвиняю. Мы только констатируем, что это было. Мое поколение живет с опытом того, что было. Что делать с ним — это уже другой вопрос.

О. Габриелян:

Я думаю к месту будет закончить нашу беседу словами Карла Поппера, которые я полностью разделяю: «Нашу мечту о небе нельзя воплотить на земле. ... Если мы мечтаем о возвращении к своему детству, если мы испытываем искушение опереться на других и таким образом быть счастливыми, если мы стремимся уклониться от задачи нести свой крест гуманности и ответственности, если мы потеряли мужество и хотим избавиться от напряжения, — то нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако, если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу». Я бы добавил и культуру оставаться человеком.

□ □ Симферополь, 1999 г. □ □

Философия в SMS-ках

Микрорецензия на эссе
О. А. Габриеляна
«Философия в SMS-ках» //
Габриелян О. А. Дорога к себе.
Сборник стихотворений
1976-2006 гг. (лирика). –
Симферополь (Украина – Крым):
Изд-во «Энергия Дельта». – 2008. –
С. 181–186.

С профессором Николаем Константиновичем Поздняковым из Омска мы сдружились в его неоднократных посещениях Крыма. Его усилиями и настоянием я оказался в Омске – в его родном городе, хотя никогда не рассматривал для себя возможность оказаться за Уралом. Я благодарен ему за теплые чувства, которые он вложил в нашу дружбу. Он был настолько впечатлен моими SMS-ками, что прислал мне свой отзыв, который я посчитал важным опубликовать здесь в память о нем.

О. А. Габриелян

Если коротко — в двух словах — речь идет об осмыслении новой сущности межличностной связи. «Но чем-то великим и трудноуловимым кажется топос — т.е. место-пространство», — говорил Аристотель. В прошлом перемещались в тарантасе и — соответственно — появлялись путевые заметки, зарисовки, пополнялись записные книжки, прибегали к эскизированию как следствию блужданий по улицам. Все было вблизи, сегодня пределы устранения «малейшего намека на дистанцию» достигаются суперкоммуникационными средствами. Для первой половины XX столетия, согласно П. Сорокину, характерна мобильность в «восходящих течениях», проникновениях в «высокие пласты» «по капиллярам и лифтам», открытие «новых мембран, лестниц, и путей», но все-таки речь идет о перемещениях из «одной точки» в другую «одну точку». Современное масс-медийное пространство принципиально иное. Прежний телефон — не более чем попадание в определенное место, мобильный — находит в транзитивности местоположений. Представьте себе: «отрезаны» маршруты, бушуют трансконтинентальные ураганы в небе над Атлантикой, и после променада в аэрогавани мой друг с борта самолета посылает сообщение.

Его смысловое содержание рождается «здесь» и «сейчас», циркуляция является избирательным достоянием, но покрывается слоями вариативных связей, в конечном счете, в раздвижении границ планетарной подвижности. Это не вариант маклюэновского принципа «средство сообщения есть сообщение», и «философия в SMS-ках» не особая философия. Но в ней виртуальная диалогичность предстает в новом обнаружении феноменального и фундаментального. В пространстве между-мирия человек наблюдает «одинокчество в толпе», примысливает «эссе о брюках на бедрах», онтологизирует «нравственный императив любви», начинает понимать «жизнь как проект» (почти по Ж.-П. Сартру), и наблюдает ... «человека-амебу». Именно таковыми являются названия SMS сообщений О. А. Габриеляна. Современная SMS-мобильность предстает естественным состоянием общества, включает перемещения не только индивидов и групп, но ценностей, символов, смысловых обозначений. Но какая фундаментальная сторона явлений беспокоит автора? Её основанием служит феноменальная — внешне наносные, поверхностно-облегченные формы, средства, способы действий, наглядность инструментов. Именно их массовый характер проблематизирует возможность соединить в поведении меру реального и идеального.

Лицемерный язык прогресса не лучше морализирующего лицемерия. В своих объяснениях социология предельно негипотетична и устанавливает то, что совершается на феноменальном перешейке сфер жизнедеятельности (знаменитая статья «Почему девочка хохочет, визжит, плачет» поясняет, что человеку необходимо ощущение себя как физического, телесного органа и не более). Сегодня существует театральное общество масс-обслуживания — грим, фальшь, фитнес и т. д. О. А. Габриелян обращает внимание на прецеденты подражательных странностей: опускание брюк и оголение (пардон. — Н. П.) пупка, не помогающий фиговый листок блузки, уши под плеером, глаза под телешоу. Но именно отсюда интерес О. А. Габриеляна к внутренним процессам, императивам взаимных чувств, борьбе любви и секса*, погружению в on-line как вечному опаздыванию, «амебному» как

элементарному одноклеточному состоянию массового человека. Эти проблемы лежат на сердце автора «тут», и он посылает SMS. Если по порядку, действительно, когда призрак «демоса» стал приближаться, люди стали раздеваться. Но и интеллигент по статусу, Актер, извлекает обыденную информацию, из манипулятивных действий,

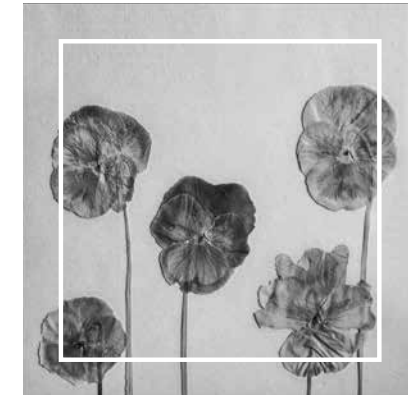
* И вспоминается утверждение Ж.-П. Сартра об «антеннах вовлечения». Пришло SMS сообщение о подобной коллизии, и откуда-то вновь «любовь — это единство выбранного мира, духовное принуждение к физической близости... любить и избегать близости не только трудно, но еще и безнравственно... но также безнравственно сохранять близость, когда единый мир уже отсутствует или, когда его уже перестали выбирать...».

но их простейшая наглядность убеждает его в собственной значимости и мастерстве. В результате он считает себя средоточием жизни, буквально влюбляется в свою исключительность и в последующем преподносит себя в качестве эталона, требуя, чтобы и остальные были похожи на него. На самом деле речь идет о рождении массового человека, вокруг которого невозможно создать что-либо разумное. Разве не напоминают современные менеджеры от науки «человека расстановки», способного только расставить компоненты системы (как раньше администратор распоряжался расставить стулья и столы), но не соединить их в качестве всеобщей формы.

В отношении феноменальной стороны поведения: носителем явлений реального мира является содержательная форма, которую нельзя употребить, присвоить, использовать. Её духовный характер разделяет трагическое и ужасное, прекрасное и приятное, комическое и смешное. В современном социуме ценности и квазиценности мы наблюдаем, на стыке быта и бытия, электронизированного и бытийственного. Но сегодня соответственно встречаем не эстетическую пару «высокое — низменное», а верхнее и низовое.

Обнажать следует не себя, а духовный смысл поступка, факта, явления. Т. Карлею принадлежит высказывание: «Жакет — это форма, которую дух придает телу во вкусе времени». В нем сопряжены философский, психологический и эстетический смыслы. Костюм — не продолжение кожи человека; есть космос костюма и костюмировка, уникальность — униформизация, маскарадность — площадность, рукоплескание — рейтингование, ум человека — хитрость-животного, образец — образец, личность, не известная своими одеждами — бездарность, известная своими нарядами. Сегодня костюм рассматривается как нечто одинаковое с личностью носителя. Он всегда случаен по случаю, но в нем не появляются случайно без случая. Иначе говоря, в реальном поведении феноменальное и фундаментальное разделены, как это предполагал в своем парадоксе Д. Дидро: грустишь, потому что плачешь, плачешь, потому что грустишь.

Модус личности и модус видимости. Тогда понятно, «откуда что берется»: духовные увечья, моральные вывихи, полухудожественное «варево». Заметки О. А. Габриеляна о потерях — интеллектуальных, нравственных, эстетических. Нужен опыт «быть» человеком, в том числе в SMS пространстве. Для этого следует добиваться взаимности перспектив, между-эфирной со-общительности. «Наша философия есть история нашего сердца, — поясняет И. Фихте — и жизни и, какими мы находим себя самих, такими мы мыслим человека вообще и его значение». SMS-ки продолжают. Так и живем.

Легенда о квасе

Было это давно, было это недавно. Разве в этом суть. В одном селе жила семья: старик с женой и три их сына со своими женами и детьми. Большим двором жили. И в труде, и в радости вместе. Все у них спорилось и решалось ладом. Год от года росла и богатела семья. Божья длань над ними распростерта была. Но, видно, так устроен мир, чтобы проверять нас и на самой высоте благополучия посылать нам испытанье.

Была ясная звездная летняя ночь. Давно потух закат. Затихло село в глубоком сне после трудового дня. Не спится только отцу дома. Вышел во двор и увидел лунный свет столбом. Пошел он на этот свет и увидел старца, который вел под уздцы коня его и за ним всю живность, нажитую годами. Встал у него на пути хозяин и спрашивает. Кто ты и куда уводишь богатство мое? Взглянул на него старец и молвил. Я твое испытанье и послан свыше. Тебе решать, но я должен забрать твое богатство: всю твою живность — труд долгих лет или мир и лад дома твоего.

Подумал хозяин и посторонился. И старик повел стадо за собой. Проходя рядом с кадкой, он оглянулся и сказал: ты сделал верный выбор. А чтобы семья не померла с голоду вот тебе кусок черствого черного хлеба. И бросил его в кадку. В глубокой думе остался хозяин дома.

Утром проснулась семья и увидела пустой двор и отца посреди двора у кадки с водой. Рассказал отец сыновьям о случившемся. Опечалились они и не знали что сказать. Кинулись и увидели, что пуст дом. Ни живности, ни зернышка. Вздохнул отец, позвал сыновей в поле работать. Зачерпнул черпак, чтобы напиться, а то не вода, а напиток чудный: и жажду утолил и насытил его. Сыновья и домачадцы тоже выпили и сил набрались, и уже испытание показалось им не таким горестным. И снова взялись за труды. А кадка с волшебным напитком не кончалась. Так они прожили в трудах своих лето. И день ото дня снова дом наполнялся добром — их совместным трудом и заботой друг о друге.

Мир и лад дома и целебные свойства волшебного напитка творили чудо. Благословил хозяин дома Господа своего за путь, который он обозначил для его семьи в этой жизни. А еще за то, что он укрепил его дух испытаньем, а тело целебным напитком. Он утолял жажду в зной и дарил силу в часы усталости от трудов. И все пили его в охотку, и жили долго и счастливо. Имя тому напитку дали квас.

**Крым.
Образы
Русского мира**

Вместо предисловия

Олег Габриелян

Проект «Крымский мир» начался с предложения Константина Игнатова вместе издать книгу-альбом «Крым. Армяне. Десять веков созидания». Начиная его, я не предполагал, что для меня он станет судьбоносным. По сути, подспудно сформировался стречневой проект на всю жизнь. Это не только серия книг-альбомов о культуре народов Крыма, но и практически большинство моих многочисленных академических, социальных, публичных проектов.

В этом ряду особое место заняло желание презентовать *Русский мир Крыма*. Хотелось сделать это необычно, в новом формате. Так пришла идея веб-ария: книги формата in folio — фолианта. Название веб-арий родилось по аналогии с веб-страничкой, выполненной в неожиданном формате книги-альбома. Подготовительная теоретическая работа была проведена настолько глубоко и всесторонне, что была издана нами отдельной статьей в академическом издании «Обсерватория культуры».

Именно для визуального ряда веб-ария были написаны микроэссе — смыслы, развернутые в несколько строк.

Именно эти эссе представлены ниже. А задуманный веб-арий физически был выполнен только в демоверсии и возможно ждет часа издания своей полной версии.

Первозванный

Христианство предопределило судьбу Руси-России. По преданию, на пространстве Скифии и далее на север начал свою миссию Андрей Первозванный — первый среди учеников Христа. Религия стала мировой не только потому, что признала Бога-Человека, но и потому, что он создан по его образу. Как свет маяка, воссияла очеловеченная вера на древней земле Тавриды, там, где ступила стопа апостола. И буйные скифы смирились перед силой веры, как волны у прибрежных скал. Позднее, в византийских хрониках, скифами назывались уже и славяне, и аланы, и хазары, и печенеги.

Орден

Бросили апостолы жребий, и разделили между собой страны. Понесли им евангельскую проповедь. Андрею выпало — Причерноморье. Как утверждается, он посетил Боспор, Феодосию, Херсонес. Но сурова была его судьба. Принял мученическую смерть — распят на косом кресте, носящем и по ныне его имя. Петр I увековечит память о нем в высшей награде государства Российского — Ордене Святого Андрея Первозванного.

■ Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, С раскосыми и жадными очами! (А. Блок)

Скифы — греческое слово, с помощью которого эллины обозначали народы, проживающие на территории между течениями рек Дона и Дуная. Скифия являлась диковинной землей, на которой обитали «белые мухи» — снег. Название это продолжало жить и дальше, и в «Повести временных лет» неоднократно упоминается о том, что греки называли народности Руси «скифью». Воины и мастера

■ Скифы были известны окружающим народам с древнейших времен. Они упоминаются уже у греческого поэта Гесиода (8 в. до н.э.). В сказаниях о Геракле описано, как он получил свой лук из рук скифа Тевтара, который и обучил его стрельбе. Наконец, предания о скифах входят в самые архаичные греческие мифы, такие, как миф об изобретении земледелия, лука, технологии выплавки меди. В отличие от киммерийцев скифы умели выплавлять железо и делать из него орудия труда и оружие. Скифское искусство поражает своим мастерством и доказывает, сколь развитой культурой обладал этот народ.

В Инкерманские каменоломни был сослан один из проповедников христианства в русских землях — папа Климент I. Его проповеди находили все больше сторонников, и император Траян направил специального посланника. Климента утопили, привязав к якорю. Но вера его учеников была уже настолько сильной, что каждый год силой молитвы расступалось море, и они приходили молиться к месту гибели. Обретение мощей святого Климента освятило в глазах церкви просветительскую миссию Кирилла и Мефодия среди славян и введение богослужения на их языке. Оно успокоило и место его мученической смерти.

«...Церковное солнце, своего угодника, а нашего заступника, святого, достойного этого имени, священномученика Климента от Рима в Херсонес, а от Херсонеса в нашу Русскую страну привел Христос Бог наш, преизобильной милостью Своею для спасения нас, верующих...» (Слово на обновление Десятинной церкви).

■ «И плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находился знаменитый храм, сооруженный, как говорят, «руками ангельскими»... Вышеупомянутая область Цесария (Крым) окружена морем с трех сторон, а именно с запада, где находится Керсона, город Климента...». Гийом Рубрук, французский монах, XIII век.

Спустя века зерно, посеянное Апостолом Андреем, даст всходы. На древней земле Херсонеса произойдет событие, определившее судьбу Руси. Здесь она будет крещена.

Стопа

На каменистом берегу Херсонеса, спуская века, народная молва расскажет о стопе Святого Андрея, и люди найдут отпечаток её, впечатанной в прибрежную скалу. Легендарное становится частью современной жизни. Сюда приходят прикоснуться к истории, а уходят с убеждением собственного пребывания в ней.

Судьба

Корсунь

К(Х)орсунь — древнерусское название Херсонеса. Красивый — одно из толкований этого названия. Такая судьба Руси-России. Крещение Владимира. Окончательное обретение наследия великого Чингисхана. Крымом Россия открывает дверь в Европу, построит свой парадный вход. Крымом Россия утвердится державой. Здесь прошла Ялтинская конференция, определившая судьбы послевоенного мира. За все это Россия заплатила огромную цену кровью своего народа. Здесь рождается её морская воинская слава, легендарный город русских моряков — Севастополь.

Крещение

Крещение князя Владимира стало духовной объединяющей силой различных племен и союзов. После этого события начинается процесс превращения их в единый народ. Эпохальность действия в том, что оно стало событием большим, чем личный выбор. Оно определило судьбу народа. Крещение в Херсонесе стало символическим и сакральным местом духовного рождения народа.

□ Владимир Красное Солнышко — полное имя крещеного князя. Старославянское имя означает «владеющий миром, стремящийся к договору, согласию». В старинных русских летописях это имя звучит несколько иначе — Володимер, что означает также «Владеющей мерой». Получив в России широкое распространение, это имя не потеряло своей силы, не затерлось от частого употребления. Возможно, это связано с тем, что оно уходит корнями в глубокое былинное прошлое России.

□ Меандр тип древнегреческого орнамента, стилизующий смену плещущих волн. В ленте орнамента заложен магический смысл. Он символизирует вечность: стареющее существо, сменяется молодым, становится бессмертным; старая сущность сжимается, а новая разворачивается. Меандр колокола Собора Святого Владимира в Херсонесе указывает на связь русского православия со своими историческими истоками в «круге счастья». Православная Византия передает молодому народу правильное суждение.

Разрозненные племена получили окормление — путешествие в христианской вере. Вначале они стали православными и только поэтому русскими. Нет русского пейзажа без церкви, кладбища без православных крестов, дома без иконы, книги без букв на кириллице. Русский землей, языком и верой!

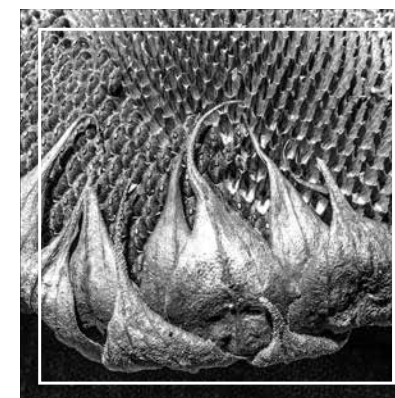
□ Вся Русь — вся дружина крестилась в Корсуни вместе с Владимиром. В «Повести временных лет» летописец, описывая призвание варяг на княжение, перечисляет призвавшие их народы: «русь, чюдь, словени и кривичи и вси...». Если вспомнить, как русы смогли объединить многочисленные и разнородные племена, и сколько их присоединилось в дальнейшем и оставило свой след в русском наследии, — скифы, хазары, печенеги, татары и др., то станет понятно, как складывался этот народ, какими живительными соками питались его корни.

Идея (Осмысление)

150

Крым для современной России стал её национальной идеей. Он её сакральный источник одухотворения и вдохновения. Крымом она объединилась в едином порыве вернуть и отстоять этот оберег. Крым, ставший последним рубежом раскола и великого исхода русских после братоубийственной гражданской войны, становится символом примирения. Крымом Россия возвращает себе достоинство и самоуважение.

151

Здесь

«Аз убо хощу по-прежнему зде учинити Русь»

Крым становился частью Русского мира по мере того как обозначалось физическое присутствие самих русских на полуострове. Еще до «малого крещения» князя Владимира с дружиной в Херсонесе, в нём проживала община русичей. Исторические источники свидетельствуют о таком же их присутствии в Кафе и Согдее (Судаке). Русское православие обрело свой исток именно в Крыму. Здесь был зажжен апостольский маяк христианской веры, здесь её адепты через гонения за неё обретали в мученичестве свою святость. Православие определило судьбу разных славянских племен как единого в вере народа единой страны – Святой Руси. Жизнь на этой земле в новой вере превращала Крым в родину, делала его со-природным пространству Русского мира.

Мазанка

С начала 18 века Крым начал активно заселяться русскими. Из поколения в поколение передается история. В одну местность были завезены двенадцать отставных солдат. В жены им были привезены девушки из Курской и Орловской губерний. Судьба их решилась, что называется, по шапкам, которые было велено солдатам оставить у дороги. Выбрав фуражку, девушка должна была стать женой её владельца. Так была справлена одна большая свадьба. Из первых заложенных землянок вскоре стали вырастать хатки. Строились они из самана, а внутри и снаружи обмазывались глиной – отсюда и пошло название села «Мазанки». А живут в селе все те же Ерохины, Щегловы, Артемьевы – потомки первых поселенцев.

■ Сурожские гости — купцы из греческих, итальянских, русских общин Сурожа (Сугдеи, Судака) еще в IX–XI веках ходили с товаром на Москву и имели там свои дворы и даже торговый ряд. Но купец — это еще и посланник, дипломат, тот, кто связывает людей, земли, государства. Русь становится своей, так же, как и Крым — близким, родным. Гривна связывает эти пространства в общее целое так же сильно, как найденные археологами в Солдае русские пряслица и православный крест.

■ Архиепископ Сурожский причислен к лику православных святых. Житие его описано в Сугдейском синаксаре и в крымском армянском рукописном Айсмавурке (Сборнике житий). По преданию, во время молитвы к патриарху Герману явился ангел Господень и сказал: «Завтра пошли в тайное место к избраннику Божию Стефану и поставь его епископом Сурожу...». В житии упоминается набег на Крым русов под водительством князя Бравлина. Во время набега произошло одно из чудес по молитвам святого, и русский князь Бравлин крестился. Уже с X века святой Стефан Сурожский приобретает черты покровителя и защитника Сугдеи.

Родина, род, родное... От первых русских общин, поселений, до летней царской резиденции и творческой лаборатории для многих поколений русских писателей, живописцев, кинематографистов — процесс обживания Крыма как части Русского мира. Важна огромность его не по масштабам, а по смыслам, им порождаемым. Крым как сердце начинает стучать в русской груди.

Малая Евразия

*«Приняли нас зело ласково,
но с великою частию боязни...»*

Петр I

...

Крым есть образ большой страны. Россия обеспечивает здесь диалог разных народов, как части Русского мира. Обустройство Крыма — модель для всего российского пространства. Крым как Малая Евразия — проект будущего страны. Он нерв её исторической судьбы. Всегда точно реагировал на все перипетии катастрофичных вызовов и достойных ответов. Успех крымской Евразии — успех державы. Крым — гордиев узел мировой геополитики. Но он также выступает основой мифопоэзиса мировых культур, религий и цивилизаций. Это многократно усиливает смысловую значимость и эвристичность Крыма как проекта будущего уже мира в целом.

Воля и ценность

Воля к жизни по-своему, по-особенному обретает ценность. Так рождается пассионарий — народ творец. У него находится сила состояться в истории. География становится судьбой — кормящим ландшафтом. Рождается новая мифология. В державных указах рождается стратегия на века, в обращении к народу — идеология. Он живет ею естественно. Она соприродная часть его бытия и быта. Россия собирает два фокуса в один — Евразию. Крым — реальное воплощение этой идеи. «...Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» (Лев Гумилев).

- Петрос, Пётр — мужское православное имя, в переводе с древнегреческого языка — «скала, камень». По воле Петра I строится корабль «Крепость» — скала в море. Камень в праще молодого царя. Как галька, с отскоками пущенная по водной глади, — корабль от порта к порту — от Таганрога к Керчи и до самого Стамбула. Обозначен не путь, а стратегия наперед. Противились турки морскому визиту русского посольства на своем корабле в столицу Османской империи. Усмотрели рождающуюся грозную силу. По приказу царя сохранён корабль «для славы, что был в Константинополе».

- В девичестве София, в православном крещении Екатерина — значит чистая. Имя определило судьбу. Через десятилетия направит русские полки на Юг по маршруту, намеченному еще Петром I. Замирит южные границы государства. Построит флот и утвердится в Крыму и в Русском море. Каждой памятной милею в Крыму утвердит его окончательное обретение и включение в пространство Русского мира. «О Божьи чудеса! Из предков кто моих спокойно почивал от орд и ханов их?» (Екатерина II).

- Вязанье разных трав и цветов, благородного лавра создают венец. Им украшают голову триумфатора, императора. Крым такой венец. В нем переплетенное многообразие. Он вмещающий ландшафт народов, культур, конфессий. Их единство — особая судьба. Успех, общий для всей России.

- Скифы, греки, гунзы, иудеи, армяне, ногайцы, татары, турки — каждый нес богатство своей культуры. Оставлял его в Крыму кладом, курганом, поселением, крепостью, именем места и ландшафта. Российская Империя наследовала Западу, Востоку, Югу. Она становилась богатой не приобретением, помещенным в казну, а включением обретенного в свой культурный код. Мощное наследие давало мощные всходы — уникальную русскую цивилизацию.

Новая терма

Карта

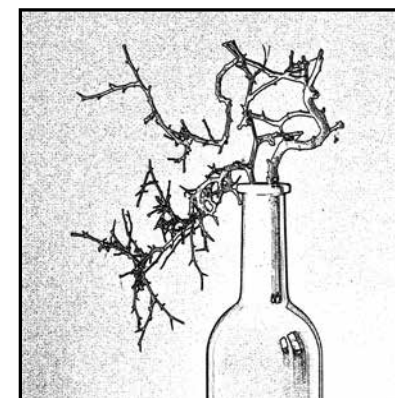
...

Изотерма января проходит так, что Россия ею отделена от всей остальной Европы. Гольфстрим смягчает климат Европы. У Евразии он резкоконтинентальный. Ландшафт погоды определил суровость судьбы – выжить. В короткое лето рывком, напряжением всех сил окультурить землю, получить урожай. Но вслед за русским солдатом, казаком, замирившим границы, пришел на Юг землепашец. Кочевнику он предложил хлеба в обмен на продукты его трудов. Так становилась Малая Евразия, с опытом преодоления противоречий Юга и Севера, Востока и Запада.

Не карта легла, а судьбу в Крыму обрела Россия. И земля эта с Новороссией стала Таврической губернией. И в новой картографии это было зафиксировано как устойчивая и стабильная целостность. Она не перерезана по пуповине Перекопа, а укреплена континентальной землей. Россия сбросила в море Османскую империю с Крыма как плацдарма постоянной угрозы. Утвердила себя европейской державой. В столицах Европы появились новые карты.

Победа

На долю каждого народа выпадают трудные испытания, и война — самая большая беда. Враг хочет разрушить суть существования народа. Лишить его права мирно жить на своей земле по своей воле, отнять саму жизнь. С этим шел фашизм, ополчив против нас полмира. И тогда для народа война стала Отечественной. Победой она завершилась, народ поборол беду. Народ-победитель тот, кто держит удар и снова встает. Его дело было правым, Победа — неотвратимой. Он защищал Родину-Мать. Умирал в боях ради жизни. Освободил каждую пядь своей земли и наш Крым. Принес мир человечеству. За него заплачено миллионами жизней. Забвение Победы, искажение истории — путь к катастрофе. Мы наследники Победы. Нам её отстаивать. Склонять голову у Вечного огня. Уважать ветеранов. Идти в колонне бессмертного полка с нашими детьми. Вставать сегодня плечом к плечу в борьбе с фашизмом. Победа суверенный фонд народа, его духовный бастион. Навсегда!

Города-герои

Героями могут быть не только люди, но и города. Когда весь город стоит насмерть. Когда защита родного города — битва за страну. Мужество каждого, героизм всех. Город-герой — Высшая степень отличия. Из двенадцати — два таких города в Крыму — Севастополь и Керчь. На каменной груди обелисков — звезда Героя.

■ От первого петровского корабля «Крепость» у берегов Керчи до ракетного комплекса «Бастион» на дежурстве в Крыму — столетия. Звенья времени спаяны крепостью духа, пролитой кровью, смыслом жизни. Здесь рубеж защиты. Обретение. Самостояние. Освобождение. Воссоединение. Крым наш плацдарм и цитадель. Символ нашей веры.

■ Есть герои — есть страна. Бронза памяти, золото мужества — долг победителям. Честь имели сражаться за Родину, пасть и жить за неё. Старым фото, письмом с фронта, орденами в домашнем шкафу нам в наследие отдают честь. От сердца к виску взмывает ладонь. Усомниться в их героизме — лишиться чести, а с нею страны.

«Крымская кампания завершена. Полное торжество советского оружия, полный разгром врага — таков её красноречивый и славный итог, выпукло отраженный в ... сообщении Совинформбюро. Борьба за Крым, увенчавшая наши боевые знамена новыми лаврами, навеки останется в памяти народной, как символ всей нашей героической и победоносной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

Красная звезда. 13 мая 1944 г.

■ Радеть за свою землю — любить её. Обустроенной и не очень. Двором и классом, смс-кой родному человеку, шумом города, милым пейзажем. Тоскуешь, когда лишаешься этой малости. Если уезжая, хочется вернуться значит, родина есть. Ради жизни с ней, ты живешь. Врос в неё. Как в каменоломнях Севастополя, подземельях Аджимушкая, припадая к мокрым камням иссохшими губами, прорастали в Родину твои деды. Защищали еще не родившегося тебя. Становились камнем памятника, окропленным слезами и кровью. Журавлями в небе, легендой в эпосе о войне и нашей Великой Победе.

Крымская весна

...

События марта 2014 года на полуострове получили название Крымской весны. Сила её была в желании народа вернуться на Родину. Это не провокация цветных революций, не аннексия территории, не агрессия одной страны против другой. Это потребность народа, истерзанного ожиданием возвращения. Чтобы понять глубину события и его историческую неотвратимость, надо вернуться к истокам обретения Россией Крыма весной 1783 года. Он стал коренной частью Русского мира через самостоянье русского человека на крымской земле в две обороны Севастополя. Крымская весна питалась славой апрельского освобождения Крыма от фашистов. Тот, кто не осознает это, не поймет, почему после всех отступлений Россия возрождается и возвращается в Крым. Побеждает!

Обретение

«...По долгу подлежащего нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийской и Оттоманской заключенный, который мы навсегда сократить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков наших решились мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону» (Екатерина II).

□ Россия может проиграть крымскую войну, отступить под натиском превосходящих сил врага. Но он уже знает, что победа его пиррова. Россия вернется, как вернулась крымской весной 1944 года. Освобождение и возвращение неизбежны, как наступление времени пробуждения и расцвета. Объединялись в коалиции империи против неё, под флагами фашистов собирались несметные полчища многоголового змия. А её Святой Георгий побеждал матросским, солдатским, офицерским крестом за храбрость, тремя степенями ордена «Славы», простой георгиевской ленточкой от вечного огня победителей.

□ «Русские долго запрягают, но быстро ездят». Народ Крыма на мартовском референдуме 2014 года выдохнул — «В Россию!». Крымчане изменили свою судьбу и судьбу Отечества. Россия своей поддержкой их выбора изменила мир. Стал очевиден конфликт цивилизаций. Невозможно уже не считаться со сложностью мира. Воссоединение привело к ресурсным издержкам. Но они несоизмеримы с тем, что государство вернула народу утраченное достоинство победителей. Наши деды своей победой помогли нам выстоять и снова победить.

Вера в Россию и верность ей — основа национальной идеи. Сегодня все её содержание в одном слове «Крым». Он объединил народ и народы. Они поддержали Президента как человека, олицетворяющего её суверенность. Власть оказалась способной понять и почувствовать ожидания народа и ответить судьбоносным поступком. Народ-пассионарий готов отстаивать свое право быть в истории.

□ Землепашец, чтобы защитить себя и свой дом, становился воином. Судьба православных русских людей. Георгий Победоносец — покровитель Георгиев — людей земли и воинов. Копьем в бою он пронзает змия-дьявола, врага веры. Его всячески пытаются — жгут и калечат. А он верой своей возрождается. Вот почему для русского человека святой великомученик становится самым почитаемым. Крестом его осененный и лентой его опоясанный принимает он любой вызов. Возрождается снова и снова, и побеждает. А обезглавленный причисляется к лику святых, к героям.

Якорь

170

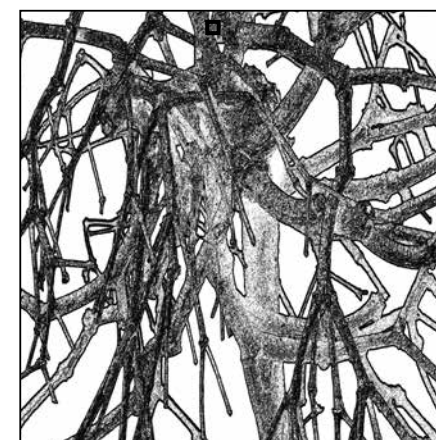

Крым — якорь России. Без него несет её по бурным волнам истории. Не удержать и не удержаться. Впереди только опасности крушения. С ним устойчиво, надёжно. Якорь упоминается в первой дошедшей до нас русской летописи — «Повести временных лет». Не быть России без якоря. Она я-кор-ится и у-кор-еняется Крымом.

Вежливые люди

Вежливые люди — новое качество российской армии. Уверенные в себе от сознания собственной силы и веры в правое дело. Способные побеждать без боя. Профессионалы, стремительные в принятии решений и их исполнений. Неизученная форма взаимодействия между собой. Связь, оставшаяся вне технических возможностей разведки противника. Искусство войны открыло новый культурный феномен. Изменилась армия, потому что изменилось общество, страна. Государство услышало народ и встало на его сторону — за справедливость. Народ ответил верностью ему.

171

**Рецензии
на судьбу**

Слово о друге и учителе

Люди как книги. Есть увлекательные и интересные, есть добротные и незатейливые, есть популярные и модные. Есть всякие. Такие, с которыми и знакомиться не хочется, и такие, которые требуют внимательного и серьезного прочтения.

Есть люди — как книги, к которым снова и снова возвращаешься, перечитываешь и обнаруживаешь — новые пласты, новые смыслы, оставшиеся незамеченными ранее.

К таким людям я отношу Февзи Якубовича Якубова, моего старшего друга и учителя. Я бы никогда не решился назвать себя его другом, если бы он сам не ввел меня в круг своих друзей и удостоверил это памятной надписью на подаренной книге. У него, ректора университета, уважаемого в Крыму человека, не было оснований разменивать высокое чувство на мелочь дежурных дарственных надписей. Мы дружим уже много лет и, прочитав книгу «Память о добром», захотел написать несколько слов об этом удивительном человеке и не только о нем.

В ряду моих учителей по судьбе Февзи Якубович оказался к настоящему времени последним и особым. Если мой учитель математики пробудил во мне личность, преподаватель философии — тягу задумываться над сложностью простых вопросов жизни, научный руководитель задал планку научных и нравственных норм, то Февзи Якубович показал мне истинный пример служения народу, любви и благодарности к живущим рядом, отличающимся от тебя языком, традициями, верой.

Мы часто сетуем на убогость нашей жизни и ищем виновных, не даем себе труда обратиться свой мысленный взор на себя и задуматься о началах нашего собственного Я. Мир, в котором мы живем, регламентирован законами и традициями, но держится на нашем внутреннем нравственном императиве. Всегда ли он совпадает с теми заповедями, которые открыло человечество и обозначило в догматах мировых религий? — Некоторые люди обладают способностью формировать свой нравственный императив не только из великих книг, но из самой жизни, из опыта общения с разными людьми и разных культур. К таким людям относится Февзи Якубович.

Взглянем на прошлую и настоящую жизнь этого человека. Доктор технических наук, заведующий кафедрой, известный ученый оставляет в зрелом возрасте благополучную и обустроенную жизнь и вместе со своим народом возвращается на родину. Перед ним, как и перед всеми крымскими татарами, проблемы обустройства семьи, детей, родственников. Но надо быть великой личностью, чтобы поставить перед собой великую цель, а главное — достичь её. И это не преувеличение, не литературный прием или восточный изыск, а правда жизни, которую мы часто не видим. Как сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Дело не только в создании университета, в котором сегодня учатся пять тысяч студентов разных национальностей, не только в том, что университет сохранил крымскотатарскую интеллигенцию, дав ей работу и реальный механизм воспроизводства кадров. Все это крайне важно для крымскотатарского народа, который в силу своей малочисленности может сохраниться только в том случае, если его духовный и интеллектуальный потенциал будет достаточно высок, чтобы не раствориться в океане других народов и культур. Именно этот потенциал является главным ресурсом народа, именно он позволил ему выжить, когда его лишили всего, именно это составляет ядерную силу той пассионарности, которую демонстрирует крымскотатарский народ, вернувшись в Крым. Именно это позволяет проявиться культурной, политической, экономической талантливости народа, вступать в диалог с соседями и демонстрировать свои возможности и достижения.

Талант Февзи Якубовича проявился в том, что он за деревьями видит лес. В идее университета он увидел фундамент будущего своего народа и, как скульптор, влюбленный в свое творенье, силой своего желания оживляет его. Обратите внимание не только на его преданность главному делу своей жизни, но и на его любовь к этому делу. От его веры и оптимизма загораются многие, и не только крымские татары. В лихие годы радикальной социально-экономической трансформации Украины он сумел построить университет и тем самым внести смысл и порядок не только в жизнь своего народа, но и многих крымчан. Именно подобного рода действия позволили нам одолеть тяжелые времена социального хаоса.

Я дружен со многими крымскими татарами. Мне привелось работать с Османом Куртсеитовичем Адамановым, который учил меня — академического работника — азам государственного управления; Лентуна Романовича Безазиева — строителя по судьбе и мудреца по жизни; Айдера Меметовича Меметова — чьи книги не только сохранили крымскотатарский язык, но и продемонстрировали жизненный потенциал этого языка.

Я мог бы дополнить этот ряд другими именами, известными всему Крыму и менее известными. Возможно, когда-нибудь это сделаю, чтобы отдать дань уважения крымскотатарскому народу, который такими людьми может гордиться. Все это разные (и даже очень!) люди, со своим видением мира, в котором мы живем, но каждый из них личность, у каждого из них есть чему учиться. Именно эти люди позволяют познать целостный образ народа в его поисках и стремлениях, боли и скорби, таланте и предприимчивости.

В этом ряду людей Февзи Якубович раскрывает передо мной особые качества крымскотатарского народа — его нравственное здоровье. Пока есть такие люди в Крыму, верится, что мы разрешим все проблемы совместного строительства нашего общего будущего. Ему удастся множить число друзей своего народа, обращать бывших оппонентов в сторонников, разоружать недругов главным своим даром — талантом общения с людьми.

Однажды, выступая на открытии шахматного турнира имени Тиграна Петросяна, организованного Крымским Армянским Обществом, он напомнил такие слова выдающегося просветителя Исмаила Гаспринского: «Приветствуем тебя скромный трудовой народ! Прими наши искренние поздравления с 1500-летием твоей письменности и четырехсотлетием твоей печати! Ты празднуешь не память кровавых побед, не память насилия над другими, ты радуешься своим культурным, просветительским начинаниям. Привет тебе за пятнадцативековую письменность, за четырехвековую печатную книгу. Ты ими жил и сохранился, ими же ты будешь счастлив. Христианин Азии и небольшой народ, ты послужил немало для культуры тех народов, с которыми ты живешь рядом или вперемежку. Твоя деятельность, твое искусство, твоя музыка и песня запечатлены в культуре азербайджанских и османских турок. Ты незаметно и для себя, и для них совершил много добра. Культурное движение закавказских татар есть запоздалое подражание тебе. В обновительном движении Персии твои сыны сыграли великую культурную роль. Османская печать, книжное дело, педагогика, театр, музыка очень многим обязаны тебе. Пришлось тебе пережить немало горьких годин. Но помни, тебя никогда не обижал «народ». Будущее твое будет счастливым! Но помни, что счастье свое определить должен ты сам. Привет тебе армянский народ! А вы добрые турки, курды, горцы и татары, цените и любите своих сограждан, живущих с вами более тысячи лет! В этом и ваша польза, и ваша достоинство.» (Газета «Терджиман» 1913 № 228). Всего несколько строк, обращенных к крымчанам, в частности, к армянам, в нужном месте и в нужное время заставили многих взглянуть иначе на сложные вопросы нашего совместного бытия в Крыму.

Я хочу обратить внимание еще на одно обстоятельство, на мой взгляд, крайне интересное и многообещающее. Своим поступком — строительством монумента «Возрождение» — он сумел нравственную категорию благодарности ввести в политику, говорящую на другом языке, использующую другие понятия. Вводя в политику нравственные основания, он задает ей новые правила, обозначает для неё нравственные границы. И если завтра какой-либо радикализм захочет спровоцировать тот или иной народ в Крыму на горячий конфликт, он должен будет не только переступить закон, но разрушить и эти нравственные скрепы.

Выражая благодарность узбекскому и украинскому народам, а также всем тем, кто оказал помощь крымскотатарскому народу, Февзи-ага продемонстрировал уровень нравственного достоинства своего народа и вернул (если это вообще возможно) нравственный долг.

Не каждому человеку удастся стать зачинателем новой традиции. Февзи Якубович им стал. Вся значимость монумента благодарности и возрождения я почувствовал не при его открытии, а когда увидел молодоженов с цветами у мемориала. Это значит, что Февзи Якубович с огромной армией единомышленников реализовал не только собственную идею. Через него крымскотатарский народ проговорил то, что должен был и хотел сказать. Народ принял сотворенное его сыном и признал творенье своим.

Я написал свой отзыв на книгу жизни Февзи Якубовича Якубова на одном дыхании. Постарался объяснить, что слова дружба, учитель, благодарность, уважение останутся пустыми банальностями, если не наполнять их смыслом конкретной жизни и судьбы. Именно поэтому я снова и снова буду встречаться с Февзи Якубовичем и в общении с ним набираться мудрости нового прочтения старых истин.

PS. Жанр этих заметок для себя я обозначил как рецензия на судьбу. Писал её, будучи в Киеве в командировке, утром в ожидании очередной встречи. Я был под впечатлением книги «Память о добром», которую читал накануне. Выпало немного свободного времени, и я решил им воспользоваться. Это было 19 сентября. А на днях я узнал, что Февзи Якубовича наградили высокой правительственной наградой — звездой героя Украины. Я рад за него и мне приятно осознавать, что мое субъективное мнение совпало с оценкой его заслуг перед страной.

Макиавелли украинской политики

*О книге Д. Выдрина
«О политике бесспорно».
Рецензия на книгу как судьбу*

Я понял, в чём ваша беда: вы слишком серьёзны!
Умное лицо — это ещё не признак ума, господа.
Все глупости на земле делаются
именно с этим выражением лица.
Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь!

Барон Мюнхгаузен

С упоением и взахлеб прочитал книгу
Дмитрия Выдрина «О политике бесспорно».
Читал и другие, но эта как-то качествен-
но иная. Все предыдущие всего лишь пас,
а эта — гол!

Так выдрать наш украинский политикум смог только Выдрин! Конечно, образно-афористичные эссе, на первый взгляд, не тянут на рядоположенность с «Государем» Макиавелли по классической основательности, но, вдумавшись, понимаешь, что и наша эпоха глобализации под стать возрожденческой, а жанр адекватен современности — виртуальному сетевому общению. Тонкий цинизм, а точнее горькая ирония и глубина анализа политики роднит этих двух мыслителей, только одному досталась страстная политика блистательной Флоренции эпохи Возрождения, а другому — национальные особенности политики провинциальной.

Но в философии нет проблемы — что? А есть проблема как? И её-то Выдрин решает блистательно. Ну что с того, что ему не пришлось жить в революционное время в России прошлого века. Он наверняка был бы лично знаком со всей неординарной тусовкой окон РОСТА и на полях его книги расписался бы Маяковский или Хлебников, а Филонов и Петров-Водкин с удовольствием иллюстрировали бы его книгу. Может, кому-то это покажется преувеличением, но вспомните хотя бы то, что плакаты РОСТА выставлялись в гастрономических (Sic!) магазинах. А теперь откройте книгу Выдрина и скажите, что такое совпадение — случайность, а не культурное родство и сопричастность.

Нам как-то сложно представить, что рядом с нами живет, работает, разговаривает с нами, пьет кофе или потягивает неторопливо из бокала коньяк, улыбается или скучает... — мудрец! На самом деле, именно потому что он мудрец, мы его как бы не замечаем.

Ну сказал что-то умное, ну написал книжку. Только нюанс в том, что написал то, что будут читать спустя много лет. Политиков забудут, а Выдрин нет. Потому что любопытный ум через пятьдесят или сто лет захочет узнать компетентное мнение современника наших событий и лучшей книги ему не найти. А почему?

Вчитайтесь в список его собеседников, взгляните в эстетику образов, и, может, тогда вам станет понятно, о чем это я. Много лет назад, в 1993 году, в замерзающей от блокады и безудержного национализма Армении, когда я со своим другом, Володей Осиповым, решили издавать Synopsis — сборник философских статей на английском языке, казалось, нет ничего бессмысленнее этой затеи. Дома трое малолетних детей, а ты — сотрудник Института философии — практически без зарплаты и продуктов, с буржуйкой, установленной на кухне квартиры в девятиэтажке, пишешь статью «Проблема «блага» в государстве Платона». И на отрезвляющий вопрос друга: «Может, мы просто таким изысканным способом сходим с ума?» — отвечаешь: «А может, мы отстаиваем гармонию в себе и в мире, который на время сошел с ума?» Мы выстояли благодаря хорошей компании: Платона и Гессе, Шпенглера и Куна, ребят из отдела диалектического материализма и теории познания и его замечательного руководителя профессора Гамлета Геворкяна. ... И философия достойно поддерживает нас до сих пор.

А рассказал я об этом, чтобы было понятно, почему я о собеседниках Выдрина, и почему я об эстетике. Без этого не раскрываются феноменологические скобки, без этого не видишь суть событий, не раскрывается эйдос как идея и смысл, а только мерцает его слабая тень на стенах платоновской пещеры.

А еще юмор! И здесь Выдрин глубже, чем Макиавелли, — он Мюнхгаузен и даже чуть больше. Если Мюнхгаузен создает шутку своими поступками, то Выдрин воспоминания своей жизни вплел в свои размышления. И они вдруг выстраиваются в такой пассаж, который превращается в изысканный, в своей дозированной грубости и ... сексуальности, анекдот. И ты хохочешь, а потом понимаешь, что это не юмористический прием, а правда жизни. Ведь барон не врет, а говорит только правду. Просто мир этой правды значительно интересней, увлекательней, потому что, хотя и построен из пошлости политической повседневности, но талантливым человеком с чувством юмора и фантазии. Такой способен подарить нам 32 мая даже законодательно как депутат, но его осмотрительно быстренько убирают из парламента. Кому нужны такие вызовы, а главное — новые смыслы, когда надо пилить бюджет и народную собственность. Только философ может от этого отречься, потому что хочет любить дорогую его сердцу женщину, общаться с друзьями, писать умные книги, и тем обустроить с не меньшей любовью страну, в которой живет.

Ну как тут не привести пассаж из самой книги — комментарии вице-канцлера европейского Ордена: «Но ведь депутатство и рыцарство — это совершенно разные стратегии. Чтобы стать рыцарем, надо убить в себе дракона. А чтобы стать депутатом, надо убить в себе рыцаря».

Как это здорово, оставаться самим собой, а не меняться в угоду пусть даже первым лицам государства. Может быть, это и притягивало к нему сильных мира сего, но и отталкивало. Ведь нашим политикам, как и любым другим, нужны не мудрецы, а готовые к угодничеству подлецы. Других угодников в политике я не знаю. Но последние не способны породить новые смыслы. Политика, как и народ, не может существовать без философии и тех, кто её творит. Проблема реформирования государства, да и проблема самой страны, в том, что и то, и другое не нашли своего смысла. И как следствие, нет образа будущего! А без этого любые попытки политиков по построению сильного, процветающего государства обречены, и никакие инвестиции или закручивание гаек не помогут. Но об этом лучше написано в книге, и мы отсылаем к тексту: «Поэтому, хотите увидеть будущее — портвейн вам в руки

(или текила, ром, водка «Хортица»), хорошая компания и неспешные разговоры об искусстве, поэзии, литературе. Тогда, может быть, будущее вам и откроется. Но если политики затащат вас в свое подземелье, то помните, что вы все за ними идете не в «андеграунд», а просто в «зиндан» — подземную, глухую и тупую тюрьму». Может, я опять что-то преувеличиваю, пишу словца красного ради, но как быть с доказательствами, почти математическими, насколько таковыми могут быть изыски гуманистики. Читаю в Википедии: в 1786 году появился немецкий перевод книги Э. Распе с дополнениями Готфрида Августа Бюргера — «Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и весёлые приключения барона Мюнхгаузена, о которых он обычно рассказывает за бутылкой в кругу своих друзей» (Sic!). Ну разве это не подтверждает мои утверждения!

А серьезность этой замечательной книги заключается в том, что она являет не только образец легкой и глубокой философии, но и руководство к действию — краткую инструкцию для украинской власти. Однако нет пророка в своем отечестве.

Ну, а чтобы мои рассуждения кому-то, да и самому Выдрину, не показались панегириком, завершу словами Оскара Уайльда, с кем в Лондоне на его могиле распивал Дима: «Все мы черви в канаве, но кое-кто из нас смотрит на звезды».

Киев, 20 мая 2012 г.

Заметки о прочитанной книге

Сам себе задаю вопрос: Зачем ты берешься писать о книге Лентуна Романовича Безазиева «Исповедь депортированного»? Никаких дивидендов это тебе не сулит, а только издержки ввиду того, что личность Л. Р. Безазиева противоречиво воспринимается в Крыму. Я видел, как его ценят простые люди, и слышал, как о нем отзывались те, кто причисляет себя к крымскому политическому бомонду. Сегодня о нем писать относительно легко, так как не будешь заподозрен в политической конъюнктуре или шкурном интересе. Собственно, наши встречи можно перечислить на пальцах одной руки и вряд ли я хожу в его близких друзьях и даже просто друзьях. Скорее мне интересен сам феномен под именем Л. Р. Безазиев.

Автор пригласил меня на презентацию книги и прислал её экземпляр. Я взял её в руки и ... прочел книгу за один вечер. Написана она самим Лентуном Романовичем. Абсолютно авторским является слог книги, а афоризмы несут печать личности. В этом то и ценность книги. Мы слышим голос самого автора, а не оплачиваемых спичрайтеров. Многие ли представители крымской элиты в состоянии это сделать? Иной эстет, воспитанный на образцах мировой литературной классики, поморщится от стиля книги. Но автор и не собирается состязаться в литературном мастерстве с выдающимися писателями и даже не причисляет себя к писательскому цеху. Он ясно обозначил жанр книги — исповедь, а она может быть только личной. Это тот случай, когда за человека никто не может осуществить это действие. Любая подмена просто разрушает исповедальность.

То же можно сказать об афоризмах. Ла-рошфуко или Паскаль были бы озадачены подобными максимами, а Ежи Лец нашел бы им острое название. Но вопрос не в том, будут ли их цитировать другие и станут ли они крылатыми фразами, а в другом: они дополняют исповедь и представляют Безазиева таким, какой он есть: способным и притчу рассказать и ... далеко послать. Мы так долго создавали сусальные образы, что когда к нам приходит реальный человек из крови и плоти, говорит своим голосом и излагает свои мысли — это кажется нам недопустимым. Представьте, что у вас в руках приглаженная и причесанная книга. Кому она нужна? Я бы её точно не смог прочесть.

Есть несколько важных обстоятельств, которые не оставляют меня безразличным к прочитанной книге и к её герою.

Первое. Это жизнь мужчины, ценящего дружбу и любовь.

Второе. Это жизнь гражданина, навсегда оставшегося преданным стране, в которой родился и жил, состоялся как личность.

В-третьих. Это жизнь человека — профессионала и хозяйственника.

В-четвертых. Это жизнь коммуниста, не поступившего своими идеалами и принципами.

В-пятых. Это жизнь человека, взявшего на себя мужество мыслить самостоятельно.

Первое обстоятельство не вызывает у меня вопросов. Здесь лучшим критерием могут быть только свидетельства его друзей и тех, кого он и кто его любил и любит.

Ностальгию по СССР испытывают миллионы людей, и это объективная реальность. Не уважать это чувство — значит, не уважать почти все старшее и даже среднее поколение. Нельзя быть Иванами, не помнящими родства. Мы все потерпели поражение, потеряли страну и стали слабее на десятилетия, если не навсегда. И здесь я не могу не согласиться с диссидентом, ветераном войны, боевым летчиком и мыслителем Александром Зиновьевым — целились в коммунизм, а попали в страну.

Не скрою, мне нравятся цельные личности, даже если я не разделяю их взглядов. Тем более вызывают уважение те из них, чей труд направлен на созидание. Я не разделяю ни методов, ни стиля руководства советских крепких хозяйственников, а тем более советских и партийных работников. Глубоко убежден, что так руководить уже нельзя, этот стиль себя исчерпал. Да и сам Л. Р. Безазиев косвенно свидетельствует об этом. Все-таки большинство в той, да и в этой стране усманходжаевы. Управление должно быть построено на иных принципах. Эта иная управленческая технология себя оправдала в развитых странах. Но даже в этом случае непреходящими останутся личные качества руководителя, его энергия и воля, его профессионализм и интеллект, его уважение к людям и доверие к ним.

Мне о многом хотелось бы поспорить с автором книги. И о том кто довел страну до развала, и о том, что есть коммунистическая идеология сегодня, и о многом, многом другом. Особенно я хотел бы заступиться за молодежь. Да. она растерялась, не всегда может найти себя в жизни. Но ведь в этом не они виноваты, а старшие, которые сами не лучшим образом поступили, и сами не знают ответов на вопросы, которые ставит сегодняшняя жизнь. Я надеюсь, что мне еще удастся обсудить эти спорные вопросы с Л. Р. Безазиевым. Но сам факт, что книга заставляет полемизировать с автором, говорит о том, что она не оставляет читателя равнодушным.

Л. Р. Безазиев иногда в сердцах говорит — да, это я построил. Будем снисходительны к такой «нескромности», но человек имеет на то право. Ему никто не давал его, он заслужил его своим трудом, потом, нервным напряжением, когда высказывал свое мнение перед лицом начальства или принимал нелегкие решения о своих отставках.

Но наши размышления об этой книге были бы неполными, если мы не обратили бы внимание на главное обстоятельство. Перед нами исповедь депортированного крымского татарина. Кто не знает, что такое быть человеком из особого контингента — не в состоянии понять главный мотив исповеди. И почему тянулся к знаниям молодой парнишка, и почему старался достичь высот мастерства, работал сверхурочно, без выходных и без отпусков молодой инженер, и почему не успокоится, не угомонится умудренный жизненным опытом ага. Даже тогда, когда он не мог снять заклятие со своего народа, он личной жизнью пытался доказать, как и многие его соотечественники, что они такие, как и все остальные граждане, и даже в чем-то — более продвинутые. Собственной жизнью они поднимали свой народ из небытия депортации. Я не хочу оценивать политические взгляды Л. Р. Безазиева и его оппонентов. Время их рассудит, когда опадут слова и останутся дела людей. Но мне представляется, что Л.Р. Безазиев может быть более уверенным в положительной оценке истории, чем его оппоненты.

Для меня бесспорно, что подавляющее большинство крымских татар, как и крымчан в целом, выставят ему достойную и заслуженную оценку — оценку человеку-труженику.

Исповедь книгочая

или

«как слово наше отзовется...»

Я в тридцатилетней давности, защитивший кандидатскую диссертацию и ищущий тему для удовлетворения своих докторских притязаний и амбиций. Институт философии и права Академии Наук Армении. В отделе такие выдающиеся и интересные философы и замечательные люди как Гамлет Геворкян, Карен Свасьян, Грант Аракелян, Наталья Абрамян, Владимир Барсемян, Александр Самарчян... Отсюда, из настоящего, это видится четче и очевиднее. Споры, дискуссии, обсуждения работ друг друга. Ощущение увлекательной интеллектуальной игры. Интеллектуальный азарт и поиск.

Какими-то непонятными путями на столе в институтском кабинете оказываются три книги: «Игра в бисер» Германа Гессе, «Закат Европы» — Освальда Шпенглера и «Алхимия как феномен средневековой культуры...» Вадима Рабиновича. Не знаю, какие реакции происходят в нашем сознании, но такая компания собеседников подсказывает тему «Математика как феномен культуры». С ней я стану доктором философских наук. В тяжелые девяностые уеду из Армении. На полтора десятка лет отложу в сторону свою увлеченность философией культуры. Хотя в моей судьбе случится многое такое, что только сейчас осознается как четкая траектория от отмеченных людей и книг в мое настоящее. Будет построена дорога к храму и отреставрирован сам храм, изданы книги-альбомы о народах Крыма, сняты фильмы. Но это так, по ходу, как общественная работа. А потом Крымский университет культуры, искусств и туризма. Совершенно неожиданно, непредсказуемо, но, как оказалось, закономерно: дала знать сила интеллектуального заряда и неизбежность жизненной траектории — судьбы.

...

Сидим с Игорем Сидом на Боспорском форуме рядом. Я погружен в замечательную атмосферу интеллектуального и культурного диалога своей молодости, как тогда в нашем отделе в Институте философии. Звонит телефон, Игорь отвечает, и я вижу, как меняется его лицо. Он сдерживает себя, но глаза предательски выдают какую-то вселенскую обиду. Я обеспокоенно спрашиваю, что случилось. До этого он рассказывал, как много проблем пришлось решать по форуму и как некоторые чинуши его подвели. Успокаиваю шепотом, чтобы не мешать выступающим: «Если организационные проблемы, то решим». А он мне:

«У меня друг умер» и еле сдерживается... Чуть позже узнаю — Вадим Рабинович. И тут меня сковало горе — я потерял Учителя. Сразу же вспомнилось: Белорусский госуниверситет, конференция, знакомство с самим Рабиновичем. Он мне запомнился седым и веселым мудрецом. Нет, у нас не было долгих бесед, а только личное знакомство в несколько минут, за которые я рассказал о том, как определила его книга судьбу моих философских изысканий, о том, что он шел от химии к алхимии, я — от математики к её философии. Так и разошлись. Думал, навсегда. А вот жизнь распорядилась по-другому. В Крыму на Боспорском форуме Вадим Рабинович снова коснулся моей судьбы, и я написал эту исповедь книгочеху в благодарность за уроки мудрости.

Перечитывая заново

*Рецензия на книгу как судьбу:
Григорий Иоффе
«Перечитывая заново»*

Открою секрет — мне интереснее читать старые, чем свежие номера газет. Они как выдержанный хороший коньяк. Все случайное и неинтересное выпадает в осадок, и твоему вниманию представляется не мимолетность повседневности, а нечто фундаментальное в ней. Ты чувствуешь пульс времени, ритм его дыхания, голоса современников — все, что определяет дух эпохи. А в том, что мы живем в насыщенное и динамичное время, никто не сомневается.

Сборник газетных, журнальных статей и интервью Григория Иоффе для меня стал именно тем интеллектуальным инструментом, который позволил с интересом осмотреться в нашем недалеком прошлом. Изначально возник интерес к человеку, безусловно, неординарному. О таких говорят self-made man — тот, кто сам себя сделал, подразумевая, что человек сам сотворил свою судьбу, состоялся в жизни. Имея перед глазами опыт достойного и уважаемого в Крыму человека — своего отца, он мог бы пойти по его стопам, и многие бы оправдали и поддержали такой рациональный выбор. Но, наверное, у такого отца мог состояться только такой сын — со своей проторенной никем для него дорогой.

Такие книги, как рецензируемая, интересны и с позиции прагматической. Предоставляется возможность осмыслить прожитое с надеждой прочертить из него некий тренд на ближайшее будущее. И тот и другой аспекты книги меня увлекли, и захотелось написать эту рецензию.

Не каждому по судьбе дается возможность быть летописцем своего времени. И здесь проблема не в самом времени. Каждая эпоха интересна по-своему. Важно другое — появление человека, способного увидеть и запечатлеть его главные черты. Особенно сложно сделать это журналисту, который заведомо стеснен служебным заданием, текучкой и мелкотемьем. Куда проще писать фундаментальное полотно ученому историку, писателю и даже живописцу. Только масштаб личности самого журналиста и его профессионализм позволяют создавать из статей и интервью полотно эпохи. Григорию Иоффе это удалось. Именно поэтому его книга останется достойным памятником бурного времени на сломе эпох.

Читая книгу, было интересно наблюдать, как на протяжении почти трех десятилетий меняется жизнь, как она меняет самого автора, и его героев. И хотя в многочисленных статьях и интервью затрагивается самый широкий аспект социальных проблем, тем не менее, у них есть некий фокус — человек с его поисками, метаниями, когда испытанию подвергаются сами устои его нравственности: зачем живу и что есть «хорошо» и «плохо» в этой жизни. Нет однозначного ответа на эти вопросы, но то, как человек обустроивает пространство своих отношений в этом мире, и есть ответ и главные его ценности. В этом плане Григорий Иоффе нашел, открыл что-то важное для себя и для нас. Наверное, это произошло по той важной причине, что он не скользил по времени, а пропускал его проблемы не только через рассудочное размышление о нем, но и через собственное равнодушие. Отсюда кажущееся противоречие между спокойным рассуждением о проблемах со своими собеседниками на «политической кухне» и выбором самих проблем — всегда актуальных.

От беседы к беседе, от одного интересного человека к другому рос внутренний духовный и интеллектуальный капитал Григория Иоффе. Это чувствуется особенно ясно, когда изредка — в сутолоке служебных дел — удается поговорить о серьезном. Может быть, поэтому книга старых интервью не устареет.

Капли мудрости

Предисловие к книге стихов
К. Ефетова «Рассвет»

Двадцать пятая книга афростишей Константина Ефетова не только юбилейная, но и весьма примечательная. В данном случае магия цифр отражает некий рубеж, переход в новое качество – зрелость. А именно, – зрелость авторского жанра. Афростиши состоялись как оригинальная литературная находка. В них происходит переплавка не книжной мудрости, а житейского опыта, высокой образованности и личного подвига мысли, готовой к острому высказыванию и его филигранной отделке.

Конечно, такие книги надо читать, смакуя каждую строчку, возвращаясь к уже прочитанному и запоминая не для красного словца, и не с тщеславным желанием симпровизировать в компании друзей по домашней заготовке. Такой подход к прочитанному возможен, но он очень поверхностен. Важнее другое: когда из совокупности глубоких мыслей, запечатленных в удобной для восприятия и воспроизведения форме, складывается личный способ воззрения на мир. И возникает уникальная возможность уже самостоятельно строить мир в себе и вокруг.

Кому-то это покажется преувеличением, но, читая Константина Ефетова, я вдруг вспомнил об отце, который по-своему доносил до меня те сентенции, которые составляли тысячелетнюю мудрость народа. Радость узнавания сменялась чувством благодарности к автору книги за то, что он по-своему творчески и бережно отнесся к сокровищам армянской культуры, снял с них патину и вернул современникам.

Сделал он это мастерски, сумев спуститься с высот философствования к обыденности жизни. Поэтому вполне естественно выглядят поэтические высказывания о смысле жизни, о политике, и вполне земных отношениях мужчины и женщины. Удержать все это в фокусе одной небольшой книжки дело мудрёное, но у читателя есть возможность самому убедиться, насколько хорошо автор с этим справился.

А мы считаем, что с задачей, поставленной самому себе, поэт справился мастерски, и желаем ему творческих успехов и нового книжного юбилея.

Нити судьбы

Владимиру Анатольевичу Денцикову

Если дорога не ведет к храму, то зачем она нужна? Этот вопрос должен задать себе каждый человек и найти ответ на него собственной судьбой. И если он выбрал дорогу, ведущую к храму, то тогда он может быть уверен, что его жизнь имеет смысл, только тогда он может быть уверен, что Господь определил его миссию на земле независимо от того, скромный ли он труженик или отмеченный божьей благодатью талант. Каждому из них выпало счастье созидать.

Для избранных было сказано: не иди дорогой, которой идут все, иди по той, по которой никто не ходил, и оставь на ней свой след.

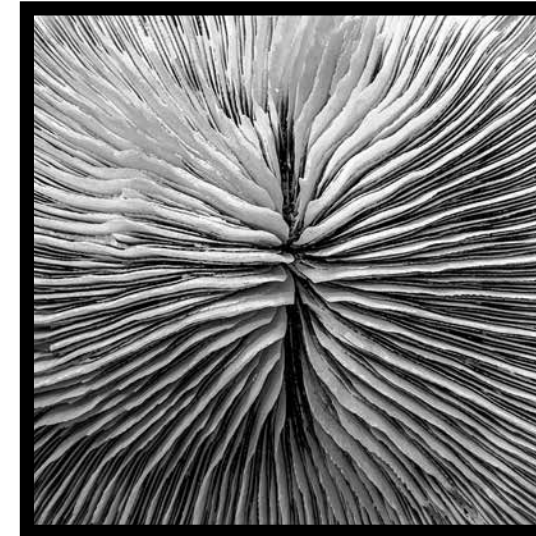
Дорогой Владимир Анатольевич, Вы выбрали свою нелегкую дорогу к храму через годы актерского труда, работы со студентами, испытания болезнью, и через чудо откровения Вы пришли к пониманию своего предназначения.

Оно оказалась в том, чтобы творить иконы, к которым будут приходить миллионы православных людей и молить их посредничеством Господа о главном — о спасении. Не каждому выпадает такая миссия, не каждому дается болезнь как испытание и талант как излечение. Вдохновение освобождает скованные недугом руки и дает возможность делать миллионы узелков, чтобы была создана икона. Можно описать в патенте технологию, изготавливаемой Вами рукотворной ткани для риз святых на ваших иконах, но все равно останется загадкой, как такая ткань может быть создана без поперечного крепления. Талант не разлагается на алгоритмы, он не делится без остатка на технологию, потому что в остатке всегда остается душа.

Свет её Вы вкладываете в Ваши произведения, теплотой своего сердца щедро делитесь с окружающими, а знаниями и умениями с молодежью. Ведь если от одной свечи зажигается другая, то света от неё не убудет, его станет больше.

Серьезно о грядущем

*Рецензия на книгу П. Баофу
«Будущее человеческой цивилизации»*

Книга Петра Баофу относится к разряду тех, которые посвящены главным философским вопросам: Кто мы и куда идем? В динамично меняющемся мире эти вопросы не являются философскими спекуляциями, а жизненными императивами человеческой цивилизации. Это отнюдь не означает, что тот или иной исследователь находит единственно правильный ответ, и человечество будет следовать ему. Такого рода исследования выполняют, по крайней мере, двоякую функцию. Во-первых, они время от времени фокусируют наше внимание на главном; во-вторых, заставляют обсуждать предложенный вариант ответа и тем самым здесь и сейчас прояснять для себя эти ответы. Новое поколение найдет их неполными, неадекватными новым реалиям, но этим поколениям, как и нам, будет от чего отталкиваться, так как есть точки опоры, будь то «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля или «Закат Европы» О.Шпенглера.

Такие книги обречены быть энциклопедичными, так как заданный масштаб проблемы метатеоретический. Здесь теория есть мудрствование, умное осмысление мира. Поэтому она не верифицируема, а в лучшем случае фальсифицируема. Отсюда и возможность самой разной оценки книги – от безудержной апологетики до яростной критики. Одно можно сказать точно, что читатель, взявший на себя труд прочесть книгу, откроет для себя много интересного и значимого.

Невозможно в рецензии даже вкратце обозначить тот фактологический материал, который автор привлекает для того, чтобы найти ответ о будущем цивилизации. Это, наверное, и не надо делать. Важнее остановиться на том, как он определяет тренды современной цивилизации.

Вот синопсис самого автора.

После того как Ницше объявил миру: «Бог умер!» — Наукой на время закрыли зияющую пустоту. Но прошло время нашей наивности, и если в эпоху модернизма раздавались голоса, указывающие на неадекватность замены, то в настоящий, наступающий постмодернистский период стало очевидно, что нужен адекватный времени ответ. У человечества ничего нет в качестве предложения для достойной замена Науки. А то, что она неадекватна, — становится все более очевидным. Откройте сегодняшние газеты. Вот только одна тема — клонирование человека. Наука бессильна ответить на трудные для человечества вопросы. Она не только подточила человеческие ценности и верования, но и свои собственные. Но если Бог умер и Наука бессильна, то где искать ответы? Но если сейчас, как считает автор, просматриваются контуры пост-человека — клона, робота, киборга и т.п. — в после постмодернистскую эпоху, то каким тогда может быть ответ?

Чтобы заглянуть в это будущее, автор и останавливается на вопросах модернизма и постмодернизма. Ему очень важно определить начальные условия своей крайне сложной задачи. Но до этого он строит модель, в которой главными параметрами человеческого существования выступают True (about knowledge), Holy (about Religions), the Good (about morals), the Just (about justice), Everyday (about folk/mass culture), and the Beautiful/Sublime (about the arts and literature).

В Западном мире произошло истечение верований. И если это процесс довести до его логического конца, то оказывается, надо разбираться с пост-человеческим сознанием в эпоху после постмодернизма.

Вот как П. Баофу определяет модернизм. «Modernity is (1) free spirited, (2) capitalist, and (3) hegemonic». Он утверждает:

- проект модернизма может быть понят в контексте жестокой борьбы между мыслителями Просвещения и их противниками эпохи Романтизма после «смерти Бога»;
- капиталистическая трансформация после индустриальной революции еще более ужесточила эту борьбу;
- распространила её за пределы западного мира.

Наступило время прекратить эту борьбу. Она теряет смысл.

П. Баофу исследует развитие потребительской и технофильской культур. Он стремится доказать, что современная жизнь в своей повседневности более комфортабельная, но тем не менее банальная, более изобильная, тем не менее дорогая. Надо отметить, что автор находит убедительные аргументы для своего доказательства. Анализируя потребительскую культуру, он приходит к выводу о том, что она толерантная, но тем не менее пустая; развлекательная, но тривиальная; образная, но психозная; свободная, но декадентская. Технофилическая культура вызывает как практическое, так и психическое беспокойство. Технологическая сила оказывается настолько же конструктивной, насколько и деструктивной. Она не только открывает новые возможности, но и дестабилизирует человеческую психику. Размывается грань между символическим и образным, между органическим и механическим, что делает возможным появление пост-человека в некоторый момент времени после постмодернизма. Автор считает, что ответы постмодернизма по отмеченным вопросам такие же проблематичные, как и у модернизма. Интенсифицируется процесс тривиализации жизни, банальность её усилится в после постмодернистскую эпоху. Но более печально то, что она будет распространяться и на незападный мир.

Не утешительна и ситуация с Наукой, считает П. Баофу. Исследования в области научной объективности крайне непрочны, так как в конечном счете в сути своей содержат наивную метафизику. От Науки нам остается только её критический дух. Религия, в свою очередь, в постмодернистскую эпоху сталкивается с проблемами. Она маргинализируется в инструменталистском мире позднего капитализма. Но идея пост-светского общества — такой же миф постмодернизма, как идея свободного светского общества была мифом модернизма. Не лучшим образом обстоят дела и с Искусством, которое претерпевает кризис. Искусство не может преодолеть стилистического эклектизма даже путем углубления в человеческие инстинкты и чувственность. Не находится и некоторый моральный универсализм для справедливого общества. *Modus vivendi* либерализма нравственно дезориентирует людей. И невозможно решить вопрос путем придания статуса новой добродетели рациональному дискурсу в обществе. Разум не может заполнить эту нишу.

Достижение справедливости оказывается невозможным в условиях модернизма. В современном либеральном обществе незащищенные слои не в состоянии приобрести политическую власть, она у тех, кто лучше организован, а значит лучше отстаивает свои интересы и более влиятелен, и все это за счет большинства. В этом плане постмодернистский дискурс оказывается несостоятельным как в интеллектуальном (в этике, политической философии), так и в институциональном плане.

Автор задается вопросом: может быть, в конце нет справедливости? И справедливость одних становится несправедливостью для других.

Таким образом, автор приходит к неутешительному выводу о том, что как модернистский, так и постмодернистский проект оказались несостоятельными, не нашли адекватных ответов на вопросы, поставленные временем.

Заключение книги крайне пессимистично. В наследство человечеству осталось то, что отмеченные выше негативные процессы распространяются на весь мир, и это представляет собой исторический тренд. Он ведет к пониманию того, что люди в конце времен лишаются всего, чем природа и общество их наделили. Они обречены уступить место пост-человеку.

Автор задается вопросом: какие формы может принять пост-человек? Исходя из современных достижений космологии, кибернетики, искусственного интеллекта, генетической инженерии и других наук и технологий, он приходит к выводу, что это существо будет некоторой смесью киборга, гуманоида, суперклона, думающего робота, интеллектуального компьютера. Конечно, при условии, что до этого люди сами не уничтожат себя в ядерном Армагеддоне. Или не погибнут в гигантской природной катастрофе.

В конце человеческого существования не будет ни бога, ни утешения. Не будет и горькой жалобы, так как люди эволюционируют в пост-людей не посредством естественного отбора, а в результате своих технологических достижений. И наступивший пост-человеческий мир будет знаменовать собой конец человеческой истории, то есть конец доминирования человека в мире.

У автора не находится слов утешения людям, и прогноз будущего человеческой цивилизации, как видим, печален. Нам представляется, что самое главное в книге — не этот прогноз. По его поводу можно возразить многое. Слишком далеко хочет заглянуть автор. Как невозможно увидеть при помощи галилеевского телескопа черные дыры, так и невозможно увидеть за горизонтом постмодернизма следующую эпоху. Самому постмодернизму мы еще не нашли адекватного имени, хотя и живем в нем. Как мы можем обозначить, а тем более понять свое будущее за его горизонтом? Книга П. Баофу интресна тем, что она тем не менее пытается заглянуть так далеко, но хотя и обречена быть современным мифом и заставляет думать, будит тревогу.

Еще не наступил «закат Европы» или «конец истории» (Фукуяма). Но уже написаны «Имя розы» Умберто Эко и «Роза мира» Даниила Андреева. Может быть ответы, которые ищет автор, лежат в иных координатах между смехом, который отличает человека от животного, и божественностью человека, теперь уже ответственного за все. Это уже не только замечание рецензента и читателя, но и тема других книг, которые могут появиться в споре с П. Баофу.

Содержание

■ «Подари себя! Подари»	10
Гладиатор-2	12
Неправильный мир	14
«В каждом слове твоём – свет»	16
«Научи меня просто жить»	18
«Нет ручья от тоски как от жажды»	20
О счастье	22
Неаполитанская	24
«Я попрошу – ты меня оставь»	26
Киевской Руси	28
Сыну	30
Случайная встреча	32

Стихи по случаю

Прозрачный день хрустально чист и светел	34
«Забери себя, забери»	36
Альме	38
Малодушие	40
Баллада о доме	42
Оставлю груз бывшего за чертой	46
«Гутиера моя, Гутиера!»	48
Мне кажется сил уже не хватает	50
Душа устала в суете	52
Ф.	54
Ф.	56

О главном

■ К двадцать четвертому апреля	60
Смыслы культур: проблемы перевода	64
Аварайр 2.0	70
Шарлю Азнавуру	74
Аматуни Ашоту Апетовичу	76
Базальт	78
Океаны взрываются о берега	82
Օվկիանոսները ելնում են ափից	84
Мои года – как костыли	86
Իմ տարիները չոր հենակ	88
Ты, Человек!	90
Մարդ արարած	92
Подарок как проблема жизненного выбора	94

Размышления

220

■	Exzellenz	100
	О человеческой подлинности	110
	Философия в SMS-ках	128
	Легенда о квасе	134

Крым. Образы Русского мира

■	Крым. Образы Русского мира	138
	Первозванный	140
	Судьба	146
	Здесь	152
	Малая Евразия	156
	Победа	162
	Крымская весна	166

Рецензии на судьбу

Слово о друге и учителе	174
Макиавелли украинской политики	182
Заметки о прочитанной книге	188
Исповедь книгочеля или «как слово наше отзовется...»	194
Перечитывая заново	198
Капли мудрости	202
Нити судьбы	206
Серьезно о грядущем	210

■ ■ ■ ■ ■ ■

221

Литературно-художественное издание

В пути

Автор: Габриелян О. А.
Макет и верстка: Орлова Д. С.
Дизайн: Габриелян Т. О.

Подписано в печать 00. 00. 2021 г.
Формат 70x100 1/12.
Гарнитура «Peterburg». Усл. печ. л. .
Объём печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ №

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубаченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

